

"Горький шоколад"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Фелиция Флакс

Горький шоколад

Пролог

— *Каллиста!*

— *Я сказала же — нет!*

— *Каллиста!*

— *Нет!*

— *Калли!*

— *Что Калли? Что?! Ты предлагаешь нечто несусветное. Обман раскроется мгновенно. Я — не ты, и тобой все равно не стану.*

— *И не надо! Будь собой, но с моим лицом. От тебя и требуется-то всего ничего. Пять песен. Два часа работы. Сто баксов чистыми на руки. Плюс то, что накидают из зала. Для тебя эти деньги далеко не лишние. Ты все знаешь, ты была на этой сцене. Ничего несусветного. А я правда не могу. Никак. Но если не приду, Стив вlepит мне такую неустойку, что полгода я у него потом бесплатно работать буду, как рабыня. Ну Калли! Мы же сестры! Все будет хорошо. Только один раз. Прошу. Умоляю. Хочешь, на колени встану?*

— *Не надо.*

— *Значит, ты согласна?!*

— *Значит, что я иду у тебя на поводу.*

1

До чего же время субъективно!

Два часа. Сто двадцать минут. Вечность! Целая жизнь. Чужая жизнь. Жизнь Ариадны. Яркая, шумная, полная похотливых восторгов, щекочущих мужских взглядов, раздевающих и шарящих, пробирающихся под платье и под белье. Легкая музыка, сладкий алкоголь, шуршащие баксы, зелеными бабочками порхающие по сцене и стелящиеся под ноги.

Как она выдержала эти два часа из чужой жизни — уму непостижимо. Ведь и в самом деле никто не догадался, что на сцене пела не Ари, не ослепительная Монпансье, одним взмахом ресниц повергающая ниц весь сильный пол, а ее бледная, хотя и точная копия.

Ее сестра-близнец.

Каллиста.

Из них двоих Каллиста считалась старшей. Она появилась на свет на пятнадцать минут раньше Ариадны. Имена им придумал отец, дважды раскрыв наугад сборник греческих мифов. Через три года они лишились своей матери, которую сбил грузовик. Через десять лет — выдумщика-отца. Два года назад — единственной бабушки, взвалившей в одиночку на себя нелегкий труд воспитания девчонок, которые внешне были похожи как две капли воды, но внутренне

различались, словно север и юг.

Калли росла тихой, обращенной в себя девушкой. Она много думала, много знала, но мало о чем говорила вслух. Ей нравилось молчать, нравилось созерцать. Лет в пять из радуг и мелодий она создала свой особый мир, в котором вечно царило прохладное лето, и до сих пор пребывала в нем. Одна-одинешенька, не нуждаясь ни в ком другом.

Ари была огонь. Она всегда горела, полыхала, обжигала и испепеляла. Страсти вскипали в ней мгновенно, выплескивались наружу и ранили окружающих. Ей всегда требовались люди, общение, ей необходимо было смеяться, рыдать, вопить от счастья и изливать потоки слез, которые, как Каллисте иногда казалось, были тоже горячими.

Сестры вместе росли, играли и учились. Их сердца бились в унисон, но души соприкасались мало. Каллиста не пускала никого в свой прохладный мир, полный тихих минорных мелодий и ледяных сквозняков. Ариадна и не стремилась туда попасть. Ей, знойной и бешеной, было бы в нем ужасно зябко.

Единственное, что сближало сестер, — это музыка. Но если Калли была поглощена вечной классикой, то Ари обожала страстные ритмы нынешнего времени. Пока Каллиста ласкала свой совершенный слух произведениями Шопена, Моцарта и Бетховена, Ариадна упивалась пронзительными мелодиями современности.

Они обе имели прекрасный голос. Но Каллиста, обладая нежным, поистине хрустальным сопрано, не испытывала страсти к вокалу. Ариадна же пением жила, а может, это оно жило в ней. Ари напевала всегда, и ее приглушенный ласкающий бархатный голос, пусть не такой красивый и безупречный, как у сестры, мог гипнотизировать и погружать в транс.

Когда сестры остались одни на этом свете, они внезапно ощутили невидимые ниточки, прочно привязавшие их друг к другу с момента зачатия. Девушки начали сближаться вопреки тому образу жизни, который каждая из них избрала для себя.

Каллиста давала частные уроки музыки. Ариадна шагнула на сцену ночного клуба.

Именно здесь она получила все, к чему так стремилась в этой жизни: успех, славу, деньги, восхищенные взгляды, армию поклонников-толстосумов и завистливых соперниц.

Она взяла себе сладкий псевдоним Монпансье и от души наслаждалась приторной жизнью сахарной девушки.

Каллиста мало знала об этом «кондитерском» бытии своей сестры. Ариадна не делилась с ней подробностями. Она просто исчезала по вечерам, а к утру возвращалась, довольная, счастливая, усталая, и ложилась спать. А поднявшаяся ни свет ни заря Каллиста бежала к своим ученикам, затем хлопотала по хозяйству, чтобы под вечер упасть, опустошенной до дна, в кровать и забыться.

Порой Ари вовсе не возвращалась домой, если ее вдруг настигала очередная пламенная «любовь», одним мастерским ударом укладывавшая в мужскую постель.

И все же Калли бывала в «Гусиных лапках», в том ночном клубе, где работала сестра. Ариадна таскала ее туда для собственных репетиций, ненавязчиво сделав личным учителем по вокалу. Каллиста, с ее абсолютным слухом и безупречным голосом, оказалась прекрасной советчицей, как исполнять ту или иную песню, подмечала малейшую фальшь и отчаянно ругала за ошибки, заставляя доводить каждую композицию до совершенства.

Во многом благодаря своей строгой и серьезной сестре Ари добилась ошеломляющего успеха, подобно гигантской волне вознесшего ее к небесам обетованным. Обожая праздность и лень, она вряд ли сумела бы достичь высокого профессионального уровня, позволявшего сочетать техническое мастерство с душевной страстью.

Увы, без Калли сладкая Ариадна-Монпансье не стала бы мечтой всех мужчин в крохотном городке Эшер.

...Каллиста оперлась на круглый столик трюмо и посмотрела на себя в зеркало. Нет, в зеркале была не она, не скромная Калли — в глубоко декольтированном бархатном черном платье, усыпанном стразами, с распущенными волосами, схваченными у висков сияющими заколками, в длинных, по локоть, перчатках и на легких высоченных шпильках.

И одежда была не ее, и лицо было не ее, с густо обведенными черным карандашом глазами, отчего они казались непроницаемыми, кукольными; с наклеенными ресницами, алыми блестящими, как будто припухшими, губами и подрисованной жирной мушкой на левой скуле.

Это не она.

Ей самой чертовски хотелось узнать, что же заставило ее примерить эту прекрасную чужую маску. Нет, не слезные мольбы Ариадны. Она могла бы отказать ей, твердо и категорично. Как прежде. Это вовсе не из-за сестры.

Просто в голове как будто что-то вспыхнуло. Небольшое короткое замыкание, в результате которого проскочила мысль-искра, мысль-картинка. Каллисте вдруг отчаянно, до судорог захотелось стать хотя бы раз кем-то иным. Кем угодно. Хоть Ариадной-Монпансье.

И она ей стала.

Калли снова внимательно посмотрела на свое отражение. Черный ей к лицу. Ей или Ариадне? Им обеим. Но, если бы у нее имелось подобное платье, она бы обязательно избавилась от стразов. Они лишние. Для загадочного образа требуется глубокий абсолютный черный, вызывающе-траурный. И никаких украшений.

А вот макияж бы она оставила, разве что легкомысленную мушку стерла. В этом сценическом гриме было что-то колдовское, завораживающее. У нее самой бежали мурашки, когда она мысленно представляла себя — *такую*.

Во всем облике осталось бы лишь три цвета — самых главных: черный бархат, белая плоть и алый соблазн губ.

Какое имя соответствует этому новому обличку?

— Атрофанеура семпера!

Негромкий низкий мужской голос прозвучал неожиданно. Испуганно вскрикнув, Калли обернулась.

Незнакомый субъект подпирал плечом дверной косяк. Он был весь в черном: черные джинсы, черный свитер, черный кожаный пиджак. Волосы у него были тоже черными, а глаза — неожиданно светлыми. Голубые или серые, а может, серо-голубые. Но они светились. Так светится лед, когда по нему скользит солнечный луч.

Узкое лицо — смуглое, подбородок зарос двух- или трехдневной щетиной, тщательно культивируемой: упаси Боже, если на этой щетине волоски на миллиметр станут больше или меньше!

Его возраст колебался между тридцатью пятью и сорока годами. Годы врезались резкими складками у крупного жесткого рта и продольными линиями под глазами. Подбородок у него казался раздвоенным: точно посередине пролегла заметная вмятина.

— Атрофанеура семпера, — повторил незнакомец и, отделившись от косяка, шагнул в душную комнатку без окон, которую Ариадна гордо именовала личной гримерной. — Ее стоит увидеть. И вы ее обязательно увидите. Я вам это обещаю.

— Вы кто? — спросила она, и ее рука невольно коснулась горла, пересохшего от предчувствия беды.

Незнакомец уже сидел на хлипкой кушетке, где валялась одежда, в которой Калли пришла сюда: джемпер и длинная юбка. Он прислонился к стене и непринужденно перекинул ногу на ногу.

— Мое имя вам ничего не скажет, потому что вы — не Ариадна.

Она не Ариадна! Этот аноним разгадал их маскарад. И он знает ее сестру.

Каллиста вспыхнула и содрогнулась. И озадачилась. Пусть даже, он понял истину, но сюда-то зачем пришел? Подтвердить свою догадку? Однако непохоже, чтобы он испытывал сомнения. Тогда — чтобы разоблачить? Но какой от этого толк? Ничего криминального они не совершили.

— Что вам надо? — Она продолжала стоять.

Незнакомец улыбнулся. Холодные льдистые глаза смотрели на нее как на редкий экземпляр экзотического насекомого: придирчиво и с интересом.

— Хотя мое имя вам ничего не скажет, я его назову. Вы должны его знать, потому что наше знакомство будет долгим и продуктивным. Так вот, Лукас Старк к вашим услугам. Вернее, *вык* услугам Лукаса Старка.

Он замолчал, вынул из пиджака платиновый портсигар, достал из него сигарету и, усмехаясь, закурил.

Потрясенная Каллиста опустилась на крутящийся стульчик возле зеркала. Ей не верилось, что все это происходит на самом деле.

С ней.

Наверное, это Ари сейчас вытаращила глаза на омерзительного Старка, а Калли просто наблюдает за ними со стороны.

Во сне.

— Я не понимаю. — Голос у нее дребезжал, точь-в-точь как треснутый фарфоровый колокольчик.

— Как вас зовут? — Лукас Старк прищурился.

— Каллиста, — невольно сорвалось с ее губ.

— Очень мило, — душевно рассмеялся тип. — Крошка Ари что-то щебетала насчет своей сестренки, но я и предположить не мог, что вы настолько похожи. Видимо, близнецы?

Каллиста, находясь почти в трансе, медленно кивнула.

— Судя по распахнутым глазкам, вам очень хочется узнать, почему я здесь сижу и изгаляюсь? — Старк был весь окутан серебристым дымом. — Пока объясню коротко, без подробностей. Вам и в самом деле следует кое-что узнать. Слушайте. — Он сделал еще одну затяжку перед рассказом. — Ваша сестрица, чудо-Монпансье, была моей любовницей. Недолго, правда, месяц или чуть меньше. Мы расстались с ней тихо и без претензий. От меня Ариадна прямехонько прыгнула в постель к моему младшему сводному братцу Айви. По моим сведениям, они, что называется, нашли друг друга. Совет бы им да любовь, да только братишка заимел денежные проблемы. Он уговорил вашу сестру во имя большой и чистой любви выкрасть у меня одну вещь. Для него — весьма ценную, для меня же — совершенно бесценную. И Ариадна это сделала. — Лукас Старк недобро ухмыльнулся. — Ловкая умненькая крошка. Шлю ей воздушные поцелуи и рукоплещу ее изобретательности. Однако я не из тех, кто спускает подобное с рук. Я пообещал Ариадне, что если она будет разумной девочкой, то я останусь добрым дяденькой. Она у меня сокровище украла, она же вернет его обратно. Тогда я забуду про этот эпизод, кстати сказать, весьма забавный. Ариадна поупиралась было, даже захотела скрыться от меня, но быстро поняла, что это бесполезно. Она согласилась встретиться со мной сегодня и вернуть похищенное. Но, как оказалось, я ее недооценил. Крошка обвела меня вокруг пальца. Как я полагаю, в эту самую минуту она катит куда-нибудь далеко, счастливая и свободная от слезки. Ну а я... беседую с вами.

Каллиста дотронулась до висков, которые казались раскаленными.

— Что она у вас украла? — спросила она тихо.

— Орнитоптеру Александры.

— Что?

— Птицекрыла королевы Александры.

— ???

— Бабочку, — пояснил Старк, видимо, потешаясь. Рот у него задергался, как при внутреннем смехе, рвущемся наружу.

— Вы, наверное, сумасшедший? Да? — жалко улыбнулась Калли.

— Нисколечко. Если кто и сумасшедший, так это ваша сестра, вздумавшая играть со мной в идиотские игры. — Глаза Старка вдруг сделались совсем ледяными, хрустальными.

Каллиста чувствовала, как скользкий и холодный страх вползает в сердце. Она по-прежнему ничего не понимала, но во взгляде Старка ей почудилось нечто зловещее. Этот Лукас Старк и в самом деле не сумасшедший.

Он — гораздо хуже сумасшедшего.

— Как вы догадались, что я не Ари? — Чтобы не видеть лица человека, излучающего

смертельно опасные феромоны, она стала смотреть на стену.

Старк оценил резкий переход от одной темы к другой легким ироничным кивком. Он закурил еще одну сигарету, серо-прозрачный дым которой растекался по углам и забивался в щели.

— У вас совершенно другой голос. Он выше, чище и холоднее. У вас иная манера выступать. Вы боитесь сцены и стоите на ней, как на эшафоте. Ари же царит на подмостках, порхает и соблазняет, искушает и дразнит. Она заставляет людей расставаться с деньгами легко и непринужденно. Вы же не подобрали ни одной из зелененьких бумажек, прилетевших сегодня к вашим ногам. А их было немало. — Старк издевательски покачал головой.

У Каллисты вырвался вздох. Что ж, она предупреждала Ариадну, что не сможет стать точной ее копией. Интересно, кроме Лукаса Старка об этом еще кто-нибудь догадался?

— Полагаю, что кроме меня этого никто не заметил, — задумчиво произнес Старк, словно отвечая на ее мысли. — Людям на самом деле неважно, кто именно поёт. Главное, чтобы было зрелище. А поскольку оно меня в данный момент совершенно не интересовало, я и обнаружил подмену. И скажу вам, что талантов у вас куда больше, чем у вашей безалаберной сестрицы. Вы про-, сто не даете им расцвести пышным цветом...

— Довольно! — крикнула Калли, задрожав. — Избавьте меня от ваших комплиментов. Пусть все, что вы сказали про Ари, правда, но при чем тут я? От меня-то что вам надо?

Она сразу пожалела о заданном вопросе, потому что Старк снова принялся рассматривать ее сквозь сигаретный дым — пристально, в упор. Его взгляд шарил по ней, цеплялся, как паучьи лапки, пробирался сквозь платье, впрыскивался под кожу.

— От вас, мисс Каллиста Саймон, мне нужно совсем немного... Вы сами. — Лукас Старк сощурил глаза.

Калли вцепилась в трюмо, но повлажневшие пальцы соскользнули с гладкого края, и руки бессильно упали вдоль тела. Она начинала сходить с ума. Или она все-таки спит. Ей лучше поскорее проснуться, пока сон не стал кошмаром.

— Вы будете моей заложницей до тех пор, пока ваша сестра не вернет мою орнитоптеру.

Тихий голос Старка прозвучал совсем близко, потому что он поднялся и приблизился к Каллисте. Девушка отшатнулась, но в крохотной комнатке трудно держать дистанцию. Старк схватил ее за руку с неожиданной силой. Калли ахнула, увидев сверкнувшие в насмешливом оскале зубы.

— Вы едете со мной.

— Я никуда не поеду, — замотала головой Каллиста, отчаянно пытаюсь освободиться. — Вы с ума сошли! Оставьте меня, ненормальный! Я буду кричать. Сейчас весь клуб сюда сбежит.

— Не сбежит. И знаете, почему? Потому что вы не сможете кричать. — Старк снова дьявольски ухмыльнулся ей в лицо. Выпустив ее руку, он внезапно пбзват кого-то: — Том, Макс, загляните-ка сюда. Девушка немного упрямится.

Задыхаясь, Калли упала на стул.

Дверь распахнулась, и два человека, которых было трудно причислить к Homo sapiens, но очень

легко перепутать со шкапами, втиснулись в маленькое пространство. Комнатка оказалась заполненной до предела.

Каллиста всхлипнула. Она зажала себе рот ладонью, не отрывая воспалившихся глаз от руки одного из «шкафов», в которой поблескивал шприц с прозрачной жидкостью.

Старк проследил направление ее затравленного взгляда. Взяв шприц, он взмахнул им перед посеревшим лицом. Калли.

— Вижу, вы уже начали догадываться о последствиях ваших воплей. В этом шприце лекарство, действие которого сродни наркозу. Один укол — и через пару секунд вы будете видеть сны. Однако я не гарантирую вашей безопасности. — Старк цинично усмехнулся. — Со спящими беззащитными девушками всякое может случиться. Ну так что, вы поедете со мной в полном сознании или?

...Нет, этого не может быть. Такое только в кино происходит. В жизни, к которой она привыкла, никто не может взять и безнаказанно увезти человека в неизвестном направлении. Она смотрит кино. Да, да! Сейчас она выключит телевизор и уснет. Завтра выходной, можно поспать подольше. До обеда. А после чуть-чуть позаниматься на фортепиано и пойти гулять в парк. Она всегда гуляет в парке по выходным. Там хорошо...

— ...там хорошо. Неподалеку океан, и воздух настолько чистый, что от обилия кислорода задохнуться можно.

Старк что-то вещал ей. Их плечи соприкасались. Его левая рука лежала за ее затылком на спинке сиденья.

Огромный автомобиль бесшумно несся в ночи, разрывая тьму светом ярко-жёлтых фар. Внутри машины было тепло, сумрачно, пахло чем-то острым, кожаные сиденья поскрипывали от малейшего движения.

За рулем находился Макс. Калли про себя окрестила его Минотавром (это прозвище само придумалось — за одну секунду). Он что-то гнусаво напевал, не отрывая глаз от дороги. К тому, что могло твориться за его спиной, на заднем сиденье, он оставался глух. Если бы там даже вдруг материализовался Дух Святой, вышколенный Минотавр вряд ли бы обернулся.

Том сидел рядом с Минотавром, пережевывая бычьими челюстями жвачку и хрустя пальцами. Брошенный поверх бардачка шприц перекатывался с места на место.

Какое страшное кино. Какое реалистичное! Она никогда еще не видела подобных фильмов. Но оно скоро закончится. Закончится. Закончится...

...ли?

Автомобиль остановился. Старк вышел первым и поманил пальцем сидевшую Каллисту. Та отрицательно помотала головой. Старк нахмурил бровь, демонстрируя легкую укоризну, и снова поманил пальцем. Калли вновь помотала головой. Тогда Старк, нарочито тяжело вздохнув, нырнул в автомобиль, и через мгновение Калли уже брыкалась в его руках, а он волок ее к огромному особняку.

В особняке горел свет.

Лукас Старк втолкнул свою пленницу в дом. Вслед за ними вошли Том и Макс. Руки,

державшие девушку, разжались, выпуская из стальных тисков. Растрепанная Калли глубоко вздохнула, пытаясь отдышаться. Она старалась не думать, что ужасный Старк стоит всего в паре миллиметров от нее. Одно резкое движение, и она снова будет биться в его руках.

А из тех рук так просто не вырваться...

Просторный холл, оформленный как музей, поражал обилием антикварных вещей, естественно вписавшихся в интерьер. Глядя на замысловатую роскошную обстановку, можно было подумать, что время повернуло вспять и на дворе пышный и позолоченный XVIII век, а не хромированный XXI. Что ж, ее черное сценическое платье очень даже подходит к этим стенам. Жаль, что во время борьбы оно расползлось по швам на груди...

Мраморная лестница, застеленная толстым ковром ручной работы, убегала высоко вверх.

— Пойдемте, — донесся до нее голос Старка. — Я покажу вам вашу комнату, где вы будете э-э... гостить.

Калли обернулась, посмотрела на Тома и Макса, которые, словно стражи, стояли по обе стороны от входных дверей, и шагнула вслед за Старком.

Лестница казалась бесконечной. Каллиста поднималась и поднималась. Ей вдруг подумалось, что, если бы она рискнула перегнуться через перила и посмотреть вниз, у нее закружилась бы голова от высоты.

Ее «покои» оказались небольшой комнатой, до того уютной, что назвать их темницей язык бы не повернулся. Здесь был небольшой шкаф, два кресла и старинная небольшая кровать из натурального дуба, застеленная вышитым атласным покрывалом. На окошке в керамическом горшке цвели лиловые фиалки. На инкрустированном старинном столике стояла ваза с роскошными жёлтыми ирисами.

Здесь как будто ждали гостей...

Только вот она была не гостьей.

— Вы и в самом деле собираетесь меня тут держать? — тихо произнесла Калли, оглядев комнату.

— А вы по-прежнему не верите? — усмехнулся Старк. — Завтрак здесь подают в девять. Прошу к этому времени просыпаться.

— Меня будут искать. — Каллиста посмотрела ему в глаза и увидела в них чужую ледяную вселенную.

— Вас некому искать, — отрезал Лукас Старк, в ответ кольнув холодным взглядом. — Вы с сестрой одни на белом свете. И никому не нужны. Кроме меня...

Калли отвернулась и уставилась на овальную картину с изображением желтой канарейки в клетке. Случайно ли она здесь?

— Дайте мне ваш сотовый телефон, — проговорил Старк.

Калли возмущенно взмахнула ресницами.

— Или я заберу его сам, — предупреждающе-ласково добавил он, и его светлые глаза сузились

до щелок.

Что толку спорить? С черной стихией?

Калли протянула телефон Старку. Тот взял его и, усевшись в кресло, принялся щелкать кнопками.

Взгляд Каллисты вновь заметался по уютной комнате. Ее глаза вдруг стали плохо различать предметы, наполнившись слезами. Горькими-горькими.

Неужели Ари так могла поступить с ней?

Могла предать?

Собственную сестру, которая является ее точной копией? Ари, Ари...

— Алло, добрый вечер, сладкая, узнала меня?

Калли стремительно обернулась на голос Старка. Тот звонил по ее телефону. И она понимала кому. Слезинка скатилась по щеке.

— Откуда у меня телефон твоей сестры? — Старк сухо рассмеялся в трубку. — А ты не догадываешься, крошка?.. Да, и телефон, и сестричка у меня. Ты, Ари, допустила небольшую ошибочку, и твоя чудесная сестренка ответит за нее сполна... Чего я хочу? Ты знаешь. Верни орнитоптеру, и все уладится... Не можешь? Ну, это уже твои проблемы. Даю тебе ровно две недели. Если через две недели орнитоптеры у меня не будет, твоей сестре придется плохо. Время пошло... Да... Ты и в самом деле жаждешь узнать, что я с ней сделаю? — Старк мельком взглянул на застывшую Каллисту, у которой побелели даже губы. — О-о, крошка, я достаточно изобретателен, а твоя сестра оказалась просто прелесть. Я в восторге. Так что, сама понимаешь... Угу... Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю... До скорой встречи, моя сладкая. Звони по этому номеру, я тебе всегда отвечу.

Старк отключился и подмигнул побелевшей Каллисте:

— Тебе привет от сестрички.

— Что вы со мной сделаете, если Ари не вернется бабочку? — спросила она, стиснув влажные пальцы.

Лицо Лукаса Старка стало чеканным.

— Все, что пожелаю.

2

Черт! Черт! Черт!

Ари с ненавистью посмотрела на умолкнувший телефон. Прости, Калли, я не хотела тебя так подставлять. Все должно было быть по-другому. Ты не должна была пострадать.

Ариадна не сомневалась, что Старк разгадает обман, когда Каши появится на сцене, но будет уже поздно. Он поймет, что Ари его провела и что она уже далеко. Господи, она и вообразить не могла, что все повернется таким ужасным образом. Калли теперь у Старка! Ариадна содрогнулась. Бедная Каллиста, не знавшая другой жизни, кроме музыки. От

Шопена — и сразу к Лукасу Старку...

Что Старк может с Калли сделать? Убить? Наверяд ли. Ни к чему ему лишние проблемы. Да и он не мафиози какой-то, чтобы убийствами заниматься. Однако, если он узнает, что Колли — пианистка, он может приказать своим ребятам перебить ей пальцы. А может тем же самым ребятам приказать...

Ариадна снова чертыхнулась и запретила себе думать об этом.

А что она, сама Ари, может сейчас сделать? Как ей вытащить Калли из этой дикой истории?

Ари грустно усмехнулась. Действительно, что она может сделать Лукасу Старку — владельцу самого шикарного казино «Золотая стрекоза» на всем восточном побережье?

Она не может обратиться в полицию, потому что сама воровка. Да и не поверит ей никто. Лукас Старк — чрезвычайно уважаемый человек, ни разу не замаравший себя ни одним скандалом. Пресса часто в открытую называет его казино градообразующим предприятием. И в самом деле, в знаменитую «Стрекозу» стекается масса богатеньких господ со всей страны. Здесь крутятся огромные деньги, часть которых оседает в городской казне в виде налогов и щедрых спонсорских пожертвований. По сути, город живет за счет казино Старка. А тот совсем не скуп. На него в городе все молятся и желают всяческих благ как ему, так и благословенной «Золотой стрекозе». Она поистине золотая...

Поэтому, если Ари посмеет вымолвить хоть слово против главного золотого бога города Эшер, ее камнями тут же закидают. Нет, ей придется сражаться в одиночку.

Черт ее дернул связаться с братцами Старками! Ари сейчас была не уверена, что убежище, про которое ей толковал Айви, существует на самом деле.

Ах, Айви. Красавец Айви, по которому она страдала почти два года. Она и к Лукасу в постель легла только для того, чтобы оказаться поближе к Айви. У них так все хорошо складывалось. До тех пор, пока Айви не уговорил ее украсть проклятую бабочку. Да, младший Старк неумел вести дела так, как его сводный старший брат, и все закончилось очень плохо. Причем не для Ари, а для ни в чем не повинной Калли. Айви обещал, что женится на Ари и тем самым спасет от Лукаса, ибо для того семейные узы — это святое, и он ни за что не тронет жену брата.

Ари помотала головой, стараясь не расплакаться. Кажется, она попала на приманку, как глупая школьница. Ей нужно во что бы то ни стало выцарапать орнитоптеру из рук Айви обратно:

Ари снова посмотрела на телефон и через мгновение набрала номер Старка-младшего:

— Приветик, Айви. Да, это я, твоя лапушка. Я, знаешь ли, решила не прятаться в убежище. С тобой мне ничего не страшно. Я хочу быть возле тебя...

А-ах!

Калли открыла глаза, не понимая, где она. Ее что-то разбудило. Как будто чей-то взгляд пробился сквозь сон...

Почти сразу она увидела стоящего возле постели мужчину с колоритной щетиной, в белоснежной отглаженной рубашке и строгих синих брюках. Кто это?

Лукас Старк...

Это имя выплыло из темного кошмара. Кино не закончилось...

— Что вы здесь делаете? — пробормотала Калли чуть хриловатым ото сна голосом, непроизвольно натягивая одеяло до подбородка.

— Пришел вас разбудить. — Лукас Старк мило улыбнулся. — Уже половина девятого. В девять, как вы помните, здесь подают завтрак. После я уеду в офис. Однако, как гостеприимный хозяин, я не могу завтракать в одиночестве. А вы, как любезная гостья, не позволите хозяину опоздать на службу. Так что умывайтесь и спускайтесь в столовую. Она находится на первом этаже, двери из зеленого стекла.

Старк снова улыбнулся, и у Калли мурашки побежали по спине от этой завораживающей улыбки «гостеприимного» хозяина.

— У меня нет одежды, — спохватилась она, вспомнив про разорванное платье, которое совсем расплзлось, когда она попыталась расстегнуть молнию, чтобы его снять.

— Я знаю, — улыбнулся в третий раз Старк и ушел.

Дверь осталась открытой, хотя ночью ее запирали. Калли даже не знала, кто это делал. Просто в двери повернулся ключ, и она оказалась в заточении.

Боже, все происходит на самом деле.

С ней.

Именно с ней.

Ариадна! Твоя сестра готова тебя возненавидеть. За что ты с ней так, Ари? Пожалуйста, не бросай ее, сестрёнка. Верни орнитоптеру этому страшному человеку...

Нет, плакать нельзя. Калли глубоко вздохнула и закусилась до крови губу. Она постарается быть спокойной. Все будет хорошо. Ари вернет орнитоптеру...

Она посмотрела на остатки платья. Надеть его уже не получится. Пускай Лукас Старк завтракает один, а еще лучше — пусть подавится тостами или что он там будет есть.

Каллиста поднялась с постели. На ней были только трусики и бюстгальтер. Господи, да у нее даже свежего белья нет. А если она стирает свой «гардероб» сейчас, то останется просто голой. Калли лихорадочно рассмеялась.

Трагикомедия.

В главной роли — мисс Каллиста Саймон.

Она дошла до ванной и дрожащими руками ополоснула горящее лицо. Без макияжа она выглядела как привидение. Лиловые полукружья сделали глаза неестественно огромными.

Приведя себя в порядок, Калли закуталась в простыню и села на постели. Кушайте, мистер

Старк, кушайте...

Без нее.

...Крохотные часики, стоявшие на столе подле вазы с ирисами, показывали десять минут десятого, когда дверь снова открылась.

— Ай-ай, как нехорошо, мисс Саймон, заставлять ждать человека, которой торопится на работу, — укоризненно покачал головой Старк, скользя глазами по ее задрапированной в белый лен фигурке.

— А я на работу не тороплюсь... благодаря вам — Калли чуть повернула голову, чтобы увидеть его лицо. Лучше бы не видеть!

Лукас Старк только усмехнулся. Он скрестил руки на груди, продолжая изучать девушку на расстоянии. Калли заинтересованно рассматривала складки своей импровизированной тоги.

— У вас, мисс Саймон, два варианта, — наконец проговорил Старк, любясь завернутым в простыню воплощением бесполезного упорства. — Либо вы завтракаете в том, что на вас есть, либо вы завтракаете без онйго. Но в любом случае завтракаете...

У Калли дернулась щека, но она сдержалась и продолжала молчать, перебирая пальцами тонкую ткань.

— Считаю до трех. Раз...

Каллиста перевела взгляд на свои босые ноги. Как у нее просвечивают вены, оказывается, на лодыжках! Тоненькие сиреневые ниточки, сложившиеся в особенный узор, проступивший сквозь кожу.

— Два...

А что если покрасить ногти на ногах? Впервые в жизни? Вот Ариадна красит их лет с пяти, а чем Каллиста хуже? Они же так похожи, две сестренки-близняшки, одна из которых вчера виртуозно подставила другую...

— Три!

Одно резкое движение, и Калли уже стоит перед Лукасом Старком, руки которого проворно развязывают узел на «тоге». Льняная измятая ткань падает к ногам, и Калли становится холодно.

— Белое белье, каким бы красивым оно ни было, чрезвычайно скучное зрелище для мужских глаз, — покачал головой Старк. — И есть только один способ сделать его веселее — снять!

Еще одно ловкое движение, и рвется хлипкая застежка бюстгальтера. Крохотная кружевная вещица, изящно спорхнув вниз, ложится поверх соскользнувшего ранее льна.

Руки Старка потянулись к трусикам, но тут Калли вдруг отступила от него со словами:

— У вас слишком холодные руки, мистер Старк.

Наступившая тишина длилась совсем недолго и через мгновение рассыпалась, взорванная громким мужским смехом.

— Бог мой, да штучка-Ариадна вам и в подметки не годится, мисс святая невинность! — Старк несколько раз хлопнул в ладоши. — Я изумлен, покорен, околдован навеки. — Его светлые глаза вспыхнули так ярко, что Калли с трудом подавила в себе желание зажмуриться. — Так и быть, трусики вы снимете сами.

— Я совсем не голодна, мистер Саймон, — вдруг произнесла она, удивляясь самой себе.

Что с ней такое? Она должна кричать и биться, сражаться и кусаться. Как она трепыхалась вчера! В егоруках. А сегодня она стоит перед ним почти голая и, скорее всего, вскоре действительно останется голой, однако даже не трепещет. Ужасный Старк — первый мужчина, взор которого коснулся ее неприкрытого тела. Но стыд и смущение ее не жгут. Она не покраснела и не задыхнулась от ужаса, что было бы естественно для любой девушкой, оказавшейся в столь жуткой ситуации. Нет, Калли испытывает только ледяную злость. Только неистовое желание одержать победу в битве с Лукасом Старком.

От этого зависит многое — выйдет она отсюда или нет...

Пронзительные глаза Старка опять вспыхнули. Он сделал к ней шаг и, легонько толкнув, опрокинул на неприбранную кровать.

— Вы меня не боитесь, мисс Саймон? — вкрадчивым шепотом поинтересовался он, склоняясь над распростертой Калли. До нее донеслось теплое мужское дыхание, в котором смешались ментол и запах дорогих сигарет.

— Я вас не знаю, — тихо ответила она упавшим голосом.

— А хотите узнать? — Его губы сложились в улыбку, до того соблазнительную, что ее собственные пересохли.

— Нет...

Старк издал смешок, от которого оголенные нервы Каллисты едва не закрили. Указательный палец с безупречным маникюром очертил ее обнаженную грудь. Калли слабо дернулась, стискивая зубы.

— Я позабочусь о вашем гардеробе, мисс Саймон, — сказал Лукас, выпрямляясь. — Для меня это станет большим удовольствием.

Он исчез из комнаты.

А Калли продолжала лежать, закрыв глаза. Она только-только стала возвращаться в собственное тело. Оказывается, до этого времени она наблюдала за собой со стороны.

С ней произошла удивительная метаморфоза — ее холодная душа вдруг возгорелась тем синим огнем, что испепелял всегда лишь одну Ариадну.

Разве могло быть иначе: они ведь сестренки-близняшки, одна из которых виртуозно подставила другую...

Через пару минут раздался вежливый стук в дверь — Лукас Старк принес завтрак на подносе, украшенным живым цветком розовой орхидеи.

Калли по-прежнему была не голодна.

День тянулся бесконечно. Он длился и длился и никак не мог кончиться. Часы отсчитывали время неправильно, ибо одна минута равнялась десяти. Тик-так, тик-так. Скопившиеся лишние минуты не давали стрелкам двигаться быстрее.

Калли была заперта. Она не слышала, как повернулся в двери ключ. Это сделал не Лукас. Он просто вышел, а дверь некоторое время была открыта. Калли точно знала это, ибо приоткрывала ее, чтобы выглянуть в коридор и снова укрыться. Она кружила по комнате, а потом вдруг почувствовала, что заперта.

Ее темница находилась на третьем этаже огромной виллы. Сквозь стекло Калли посмотрела вниз.

Высоко.

Выбраться она не сможет. Только если не захочет разбиться насмерть, как героиня какой-нибудь замшелой стариной драмы, предпочитающая бесчестью смерть.

На стене висело ромбовидное зеркало в антикварной серебряной раме. Исследовав в комнате все, что было возможно, Калли принялась придирчиво рассматривать собственное отражение. Зеленые, чуть вытянутые к вискам, большие глаза, иссиня-черные волосы, падающие до талии; очень бледная кожа, не способная ярко розоветь; бледно-коралловые губы — нижняя заметно пухлее и больше верхней; тонкий нос с нежными ноздрями.

Ари выглядит точно также... Где ты сейчас, Ари? Твоя сестра думает о тебе. Почувствовала ли ты это? Калли никогда не забудет, что ты ее сестра. Никогда.

...День внезапно погас. Висевшие на стрелках часов минуты вдруг сорвались и куда-то умчались, и вечер бесшумно вкрался в комнату. Вместе с ним вошли странные молчаливые люди, которые принесли множество коробок, коробочек и шуршащих пакетов.

Затем они исчезли, но появился Лукас Старк. Его белая рубашка, с утра выглядевшая наисвежайшей, сейчас свежесть потеряла: видимо денек выдался не из легких. Старк, прищурившись, смотрел на закутанную в простыню Калли, по-прежнему сидевшую на краешке кровати.

— Не скучали? — осведомился Лукас, проходя к окну.

— Что это? — вместо ответа Каллиста указала рукой на гору коробок.

— Это ваш гардероб, мисс Саймон.

— Гардероб? — Калли изумленно посмотрела на многочисленные коробки. — Зачем так много? Я ведь здесь всего на две недели.

— Я не уверен... — на губах Старка обрисовалась выразительная усмешка, приоткрывшая зубы хищника, — ...в вашей сестре.

Калли тоже была не уверена... в своей сестре.

Их взгляды скрестились, вонзившись в противника с одинаковой убийственной силой. Каллиста ощутила желание запустить в Старка вазу с ирисами. Но передумала. В конце концов, цветы не виноваты в том, что мистер Старк такой мерзавец. С красивыми светлыми глазами...

— Я ужасно голоден, поэтому попрошу, мисс Саймон, поторопиться с выбором наряда для ужина, — произнес после затянувшейся паузы Лукас. — Оденьтесь по-вечернему. И спускайтесь в столовую. Туфли я вам не приобрел, потому что нет ничего соблазнительнее, чем босая женщина в роскошном платье...

Калли не успела ему ответить. Оставшись одна, девушка некоторое время смотрела на коробки, не решаясь приблизиться к ним, а после, вздохнув, решительно взялась за первую. Там оказалась одно из вечерних платьев, изумрудно-зеленое, шелковое, тон в тон к ее глазам.

Калли насчитала пятнадцать пар нижнего белья, среди которых не было ни одной белой. Видимо, Лукас Старк действительно его не любил. Прежняя Калли-пианистка умерла бы от стыда при мысли, что незнакомый мужчина приобрел столь интимные провокационные вещишки... ..для нее.

Но новая Калли расхохоталась, представив, как тщательно небритый мистер Старк роется в дамском кружевном барахле, рассматривая на весу трусики и бюстгалтеры.

Смеясь нервно и высоко, почти до слез, Каллиста схватила голубой полупрозрачный комплект и быстро переделась. Белье оказалось удивительно впору. У Лукаса Старка отличный глазомер, а вот сама Калли частенько приобретала вещи, которые были ей либо велики, либо малы. В следующий раз она обязательно попросит мистера Старка составить ей компанию в походе по секциям дамского белья. Следующий раз...

Непрошенные теплые слезинки сорвались с ресниц и покатались по щекам.

...Она спустилась в столовую, облаченная в то самое зеленое платье, которое ей попало первым. Нежный шелк ласкал кожу как опытные руки страстного любовника. Раньше у Калли никогда не было столь дорогих и красивых платьев. Она и не желала таких нарядов, но, облачившись в один из них, поняла, как много потеряла. Если бы не мистер Старк, она бы этого никогда не узнала.

Лукас прохаживался в холле, поджидая ее. Он сменил белую офисную рубашку на черную вечернюю и превратился в демона с прекрасными ледяными очами.

Эти очи в одно мгновение оглядели ее, вобрали каждый нюанс, запомнили каждый штрих, раздели и одели заново. А потом снова раздели...

— Знаете, чем вы особенно отличаетесь от своей сестры, мисс Саймон? — проникновенно спросил Лукас, подавая ей руку. — Глазами. У Ари они цвета бутылочного стекла, у вас — темные изумруды.

— Может быть. — Каллиста предпочла идти в столовую без руки Лукаса Старка, оценившего этот строптивый жест опасной до дрожи улыбочкой.

Стол был накрыт как для торжества. На кипенной, вручную вышитой шелком скатерти стояли серебряные приборы и белые розы в хрустальных вазах. В старинных канделябрах горели высокие белые свечи.

— У вас событие, мистер Старк? — невинно поинтересовалась Калли, внутренне содрогаясь от столь издевательски гостеприимной картины.

На самом деле ей хотелось заорать и сорвать скатерть со стола, чтобы все приборы на пол попадали. А ближайшим подсвечником раскроить голову мистеру Старку, этому небритому

чудовищу в вечерней рубашке.

Которая чертовски ему идет ...

— Да, у меня событие. — Старк многозначительно кивнул ей через стол.

— Тризна по бабочке?

Уголки рта у Старка дернулись, и обозначившаяся ухмылка искривила безупречную линию твердого рта. Он поднял бокал и отсалютовал замершей Калли.

— За наше знакомство, мисс Каллиста Саймон...

Он сделал глоток и добавил:

— Оно будет о-о-чень *близким*...Дорогое вино встало у Каллисты в горле.

— *Айви, что это был за человек?*

— *Это посредник.*

— *Какой посредник?*

— *Посредник между мной и покупателем.*

— *Ты уже нашел покупателя?*

— *Да.*

— *Так быстро?*

— *Слухами земля полнится...*

— *Кто он?*

— *Если бы я знал его имя, то зачем тогда нужен был бы посредник? Крошка, подобные дела осуществляются исключительно через посредников.*

— *Сколько ты просишь за орнитоптеру?*

— *Тридцать кусков.*

— *Матерь божья!*

— *На самом деле эта тварь стоит дороже ровно на столько же тысяч. Это очень редкая бабочка. Но из-за того, что она краденая, я не могу торговаться.*

— *Этот человек согласен дать тебе такие деньги?*

— *Мы пока ведем переговоры.*

— *Айви, милый, я так хочу взглянуть на эту поистине драгоценную бабочку. Я ее даже толком не рассмотрела. Где ты ее хранишь?*

— Куда вы меня ведете?

— Я хочу показать вам другую вселенную, мисс Саймон.

Каллиста шла следом за Лукасом. Ужин завершился пять минут назад. Они о чем-то говорили за столом, но о чем именно, она не могла припомнить. Наверное, кто-то другой беседовал со Старком ее голосом.

Лукас Старк подошел к высоким двустворчатым дверям. Вход был закодирован. Старк на пульте быстро набрал сложную комбинацию из множества цифр (Каллиста была готова поклясться, что их было тринадцать), огонек мигнул, и двери в иную вселенную распахнулись.

— Боже мой! — невольно воскликнула Калли, когда у нее над головой зажегся свет.

Бабочки, бабочки, бабочки...

Сотни бабочек, распятых за стеклом. В глазах рябило от переливающегося обилия засушенных радуг.

— Боже мой, — повторила Каллиста уже тихо, приложив ладони к щекам. — Сколько же их здесь...

— Пять тысяч сто тридцать семь, — отозвался у нее за спиной Старк.

Она обернулась на него, потрясенная.

— В самом деле?

— С птицекрылом королевы Александры пять тысяч сто тридцать восемь, — уточнил он улыбаясь.

Калли покачала головой. У нее глаза разбегались, стремясь разглядеть все сразу.

— Это вы их собирали?

— Начал отец, наш общий отец с Айви. Он был истинным коллекционером, одержимым до помешательства. А я только продолжил собирать коллекцию после его смерти. Отцовской одержимости во мне нет, но я ценитель всего прекрасного...

Старк сделал шаг к Калли, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

— На самом деле, эта коллекция не такая уж и большая. Например, в Лондоне в Британском музее естественных наук хранится несколько миллионов экземпляров бабочек. Я же выборочно коллекционирую лишь те, которые западают мне в душу.

Брови Калли взлетели кверху. Она обвела недоверчивым взглядом стены, пытаясь осмыслить сказанное.

— Я обещал вам показать атрофанеуру семперу. — Лукас уже прошел вглубь огромной залы и остановился у дальней стены. — Вот она. Не правда ли, чудесна? И очень напоминает вас в том черном платье...

Калли посмотрела на указанную распятую бабочку. Она была угольно-черной, с изящными удлинненными узкими крыльями, с едва уловимой пепельно-белой полоской-напылением на них и кроваво-алым брюшком. Каллиста прикусила губу, припоминая, как любовалась собой в зеркале: черный бархат, белая плоть и алый соблазн губ.

Агрофанеура Семпера...

— А вот ваша сестренка, несмотря на то что вы ее точная копия, походит совсем на другую бабочку. — Голос Старка не дал ей опомниться и уже манил дальше. — Взгляните-ка на это прелестное создание — хризиридия мадагаскарская, из семейства ураний. Она как драгоценный камень: нет таких цветов радужного спектра, которые бы не сверкали на крыльях этого чуда. — Лукас постучал пальцем по стеклу, за которым блистала хризиридия. — Среди ураний она самая яркая и у коллекционеров заслуженно пользуется страстной любовью.

Каллиста моргнула, с интересом рассматривая отливающую стальным блеском разноцветную бабочку с удивительной формой задних крыльев, жилки которых заканчивались хвостиками разной длины.

Такая яркая. Такая непохожая на других... Как Ариадна.

— Вот и ваша сестра столь же ослепительна. — Старк проникновенно улыбнулся мертвой бабочке за стеклом. — И блеск ее столь же холоден, как отлив чешуек у этой ураний. Она не греет...

Каллиста поспешно отвернулась от хризиридии и посмотрела на Старка.

— А на какую бабочку похожи вы, мистер Старк?

— Я?

Лукас Старк, похоже, был удивлен этим вопросом. Или позабавлен. В светлых глазах засветились звезды. Губы переломились от многозначительной усмешки.

— Гм, я никогда не сравнивал себя с бабочкой, — проговорил он негромко. — Но если подумать...

Он стал переходить от стены к стене, всматриваясь в экспонаты. Калли, не шевелясь, наблюдала за ним. В его движениях было много завораживающей грации хищника, чисто звериной пластики, животной гибкости. Если его и можно было назвать красивым, то только из-за этой необыкновенной хищной грации. Особенная, опасная и неуловимая плотская красота движений, которая околдовывала сердце... Калли притронулась к своей груди, словно стараясь заглушить стук взбесившегося сердца. Нет, ей не стоит так пристально смотреть на Лукаса Старка.

Иначе она погибнет.

Как пойманная бабочка...

— Наверное, я чем-то похож вот на этот чудный экземпляр, — голос Старка донесся из противоположного угла.

Калли вынырнула из магического транса, сразу ощутив, что ее босые ноги заледенели, и приблизилась к Старку. Тот махнул рукой на стену:

— Крылохвост Деркетто, обитатель сельвы юго-восточной Бразилии.

Легкий вздох вырвался у Калли, когда она увидела бабочку, напоминавшую крылатое создание преисподней. Кофейно-молочная, со зловещим темным крапчатым рисунком и жутковатыми задними крыльями, каждое из которых плавно переходило в изгибающийся отросток, ужасно длинный, как щупальце, раза в два больше самой бабочки. Верхние крылья, с усеченной вершиной и зубчатыми краями, выглядели оборванными пальцами самого дьявола.

— И в самом деле вы очень схожи с этой жуткой бабочкой. — Каллиста передернула плечами от холода, колючей лапкой пробежавшего вниз по позвоночнику.

— Чем же, мисс Саймон? — Шелестяще-ласковый тон Старка вызвал новую волну озноба.

— Мрачной гаммой.

— А я думал, мохнатыми усиками, — добродушно рассмеялся Лукас, но смех у него получился царапающим.

Каллиста отодвинулась от него и опять принялась разглядывать коллекцию, которая захватила ее целиком. Шаг за шагом продвигаясь вдоль стены, она наткнулась на пустое место, требовавшее объяснений.

— Почему здесь пусто? — Калли указала на темное пятно.

— Потому что тут была отдельная рамка с орнитоптерой. — Глаза Лукаса, следившие за ней, блеснули, порезали.

Калли пожалела, что задала этот вопрос. Старк вдруг опять очутился совсем рядом с ней. Его рука отвела прядь темных волос с ее лица.

— Хотите знать, как это произошло? — Его голос вдруг понизился до шепота.

— Что произошло? — так же шепотом спросила она, задрожав.

— Как ваша сестра украла мою орнитоптеру. — Лукас не отрываясь, смотрел ей в глаза, и она стала падать в бездну с головокружительной высоты. Именно так и разбиваются насмерть.

Он не стал дожидаться ответа.

— Однажды Ари предложила мне заняться с ней любовью в этой самой комнате...

Здесь? Каллиста невольно оглянулась по сторонам.

— ...Она сказала, что секс среди тысяч бабочек ее чрезвычайно возбуждает. Это идея и мне показалась весьма соблазнительной. — Старк плотоядно усмехнулся, его губы оказались совсем близко от глаз Калли. — У нас и в самом деле тогда получилось нечто фантастическое и восхитительное. Жаль, что в последний раз... В вино, которое мы пили, ваша сестра подмешала снотворное, поэтому после сеанса жаркой любви среди бабочек я внезапно заснул — голым, прямо на полу. — Лукас ухмыльнулся, почувствовав, как сильно содрогнулась Каллиста при слове «голый». — За это время умница Ариадна отключила сигнализацию, сняла орнитоптеру, а на ее место повесила подделку, весьма похожую. И преспокойненько ушла домой, как всегда уходила от меня. Я, наверное, ничего бы не заметил, но Ари второпях повесила ее чересчур криво. Это сразу бросалось в глаза...

Каллиста вдруг поняла, что Лукас Старк ее обнимает. Она напряглась, и удерживающие ее руки сразу стали безжалостными. Они не собирались ее выпускать и были настолько горячи, что обжигали сквозь шелк.

— Сколько стоит украденная бабочка? — спросила она, пытаясь отвлечь Лукаса Старка от опасной мысли, бившейся в расширившихся зрачках его потемневших глаз.

Это сработало. Алчущие руки разжались, глаза устремились на зияющую пустоту на стене.

— Эта бабочка уникальна не только потому, что прекрасна, редка и могла бы стать главным экспонатом любой коллекции, — произнес Старк очень серьезно. — Моя орнитоптера — сокровище, потому что ей больше ста лет. Это один из самых первых экземпляров прекрасного крылатого экзотического создания, которые увидели европейцы. Ранее она находилась в коллекции самого лорда Уолтера Ротшильда. На аукционе ее цена может взлететь до ста тысяч долларов. Но Айви не сумеет продать ее на аукционе. — Последняя фраза прозвучала как угроза.

— Зачем вашему брату понадобились деньги? — Каллиста слушала очень внимательно, не упуская ни одного слова.

Старк покачал головой.

— Айви, в принципе, неплохой парень, просто его дурно воспитали в детстве. Он идет на поводу у своих желаний, редко слушая голос разума — крохотной субстанции, помещающейся в его красивой голове. — Старк говорил об обокравшем его брате не только без злобы и гнева, но даже насмешливо и лукаво. — Айви проиграл тридцать тысяч долларов, и не где-нибудь, а в моем казино. Такое уже случалось, и мне надоело покрывать его долги. На этот раз договориться со мной у братишки не получилось, и он задумал нехорошую авантюру, в которую втянул вашу сестрицу. — Каллиста изумленно выдохнула, но возразить Лукасу не захотела. — Лишь Айви знал три вещи, обеспечившие похитителям успех: как отключить сигнализацию, где находится орнитоптера и как должна выглядеть ее убедительная подделка. — Лукас неожиданно улыбнулся. — Когда закончится эта история с птицекрылом, я возьмусь за Айви всерьез и воспитаю его как положено.

— Он хоть выживет после вашего воспитания?

Старк звонко, по-мальчишески расхохотался, воздев руки к потолку с роскошной лепниной:

— О небеса, благодарю вас за то, что подарили мне общение с мисс Каллистой Саймон. — Он бросил выразительный и бесовски-лукавый взгляд на неподвижную Калли. — Пойдемте, мисс Саймон, общаться далее в вашей комнате. Полагаю, там все готово для продолжения чудесного вечера.

Войдя в свою темницу, Калли поняла, что имел в виду Старк, говоря о продолжении вечера. Их встретило мерное потрескивание десятка зажженных свечей, расставленных в продуманном, беспорядке — так, чтобы нигде невозможно было спрятаться в тени. На маленьком столике стояли два высоких прозрачных бокала тонкого стекла, в серебряном ведерке охлаждалась бутылка с вином, рядом находились поднос с десертом и хрустальная ваза с фруктами, через волнистый край которой свисали грозди винограда.

Вечер обещал быть долгим...

Калли кинула на стол неприязненный взгляд. Старк принялся наливать вино. Один бокал он

протянул Каллисте, присевшей на край постели:

— Давайте продолжим наше знакомство, мисс Саймон. Я хочу узнать вас как можно *ближе*.

В пляшущем свете свечей он казался Люцифером. В черном, с пронзительными глазами цвета льда, косо усмехающийся. Каллиста не хотела пить вино с дьяволом, но бокал из его рук взяла.

— Итак, я уже выяснил, что вы упрямы, чрезвычайно остры на язык, пугаетесь необычных бабочек и до сих пор надеетесь, что сестра вас спасет. — Старк отсалютовал ей бокалом. — Я предлагаю выпить за вас, мисс Саймон. За то, что вы не плод моего воображения.

Пить за себя в компании с дьяволом Калли тем более не собиралась.

— Что вам известно о моей сестре? Где она сейчас? — спросила она, не поднося вино к губам.

Старк посмотрел вглубь своего бокала.

— Мои люди сообщили, что она вернулась к Айви, и тот не прогнал ее прочь. Дурачок... Айви собирается продать орнитоптеру кое-кому через посредника и просит за раритет всего-навсего тридцать тысяч баксов. Бедный, бедный Айви. — Циничный тон Старка мог бы разрезать как кислота — заживо. — Он здорово продешевит, если сделка состоится. Что касается Ариадны, то она пока не предпринимает ничего, чтобы вас спасти...

Старка прервала телефонная трель. Калли по привычке протянула руку к поясу, но на этот раз знакомая мелодия лилась из кармана брюк Лукаса! Тот вытащил телефон и усмехнулся:

— А вот и наша Ари, легка на помине. — Он приложил трубку к уху. — Привет, моя сладкая. Как дела? Орнитоптера уже у тебя? Нет? Ай-ай, как плохо. Поторопись, Ари, две недели — это не вечность... С сестрой твоей все пока в порядке... Да... Да... Если я ее хоть пальцем трону, то что? — Старк ухмыльнулся, скосив глаза на замершую Каллисту. — Сладкая, не искушай меня. Если я начну трогать ее... э-э... пальцем, то, боюсь, не смогу остановиться. И, полагаю, ей это понравится. Тебе нравилось... Нет, поговорить с ней я тебе не дам. Чао, сладкая. Жду тебя и орнитоптеру. И сестренка твоя тоже ждет.

Старк выключил телефон и убрал его в карман.

— Не бойтесь, мисс Саймон, я не буду трогать вас пальцем... — Он щелкнул зажигалкой, закуривая. — Если только вы этого сами не захотите.

— Почему вы не дали мне поговорить с сестрой?

Старк выпустил змеистую струю дыма в потолок.

— Потому что для вас, мисс Саймон, эта услуга платная.

— *Ах, Айви, как ты меня напугал.*

— *Кому ты звонила, Ари?*

— *Сестре.*

— *Она нас не выдаст?*

— Нет, Калли не способна предательство.

Каллиста, сможешь ли ты простить меня когда-нибудь? Я обязательно постараюсь тебя вытащить. Держись, сестренка. Не поддавайся Лукасу Старку.

— И какова плата?

Старк отозвался не сразу. Прищуренными глазами сквозь сигаретный дым он разглядывал девушку в зеленом шелковом платье. Взгляд этот был физически ощутимым, как если бы руки Старка касались ее на самом деле, медленно расстегивая молнию на платье, высвобождая из послушного шелка целомудренное упругое тело с атласной кожей.

Свечи потрескивали, неторопливо оплывая. Сумрак густел, расплзался по углам. Тени теснили свет.

Взбесившееся сердце Калли подскочило к горлу, готовое трусливо выпрыгнуть из стеснившейся груди. Внутри нее поднимался жаркий смерч, и его ширившаяся воронка сметала все на своем пути, почти ломая ребра. Нутро корчилося и полыхало...

— По мере приближения двухнедельного срока к его логическому завершению, плата будет возрастать в геометрической прогрессии. — Мягкий издевательски-ласкающий голос Старка пробился к ней через повисший в воздухе сизый удушливый флер. — Стартовая же цена — три поцелуя. На сегодняшний вечер. Три жарких, страстных, развратных поцелуя. Как в хорошем порнофильме, точнее, как в очень *нехорошем* порнофильме. — Калли не увидела, но почувствовала его циничную ухмылку. — Ну так как?

— Дороговато, — помотала головой Каллиста, не зная, рассмеяться ей или же заплакать.

Навзрыд.

— Завтра эта цена уже не покажется вам такой дорогой. — Старк стряхнул пепел с сигареты в золотую пепельницу, стоящую на подносе рядом с десертом. — Впрочем, я не настаиваю... Пока... Лучше давайте выпьем. — Он снова отсалютовал бокалом. — За вас, несравненная мисс Каллиста Саймон.

Калли молча выплеснула вино на пол. Под босыми ногами немедленно растеклась багровая лужа. Каллиста подняла глаза, загоревшиеся от внутреннего ликования, и встретила неподвижный взгляд Старка. Тот сделал еще один глоток, будто не замечая случившегося безобразия.

— Вам не понравилось вино, мисс Саймон? — спросил он вечность спустя и зажег вторую сигарету.

— Мне не понравился тост, — ответила она коротко и поджала ноги, ибо багровая лужа доползла до ее голых пальцев.

— Могу предложить другой, — подозрительно мягко улыбнулся Лукас и, поднявшись, взял бокал из ее слабеющих рук. Он налил вторую порцию. До краев. — Выпьем за исполнение желаний. *Всехжеланий...*

Старк подошел к Каллисте, и она даже не успела вскрикнуть, как оказалась опрокинутой навзничь на кровать. Лукас сел ей на ноги, навалился сверху, до боли сдавил пальцами щеки,

вынуждая открыть рот, и принялся медленно вливать ей вино. Каллиста закашлялась, вынужденная глотать. Несколько красных струек потекли ее по подбородку, капая на декольтированную грудь.

— До дна, мисс Саймон, до дна, — ухмыльнулся сверху Старк, заслоняя собой весь свет. — Вот так. — Он отшвырнул пустой бокал, и тот, отлетев, разбился где-то в стороне с жалобным звоном. — За исполнение всех желаний. *Моих* желаний. — Он низко склонился над обездвиженной Каллистой. — И в данный момент я очень желаю узнать, каковы вы на вкус, мисс Саймон.

Каллиста протестующе, со сдавленным всхлипом дернулась, понимая, что за этим последует, но Старк сжал ее голову, припечатав к подушке. Калли зажмурилась, чтобы не видеть его почерневших глаз.

Язык Старка дрязняще очертил ее рот, скользнул по разделяющей линии, с неожиданной силой заставляя стиснутые губы приоткрыться, а добившись капитуляции, вновь сделался нежным, лаская их внутреннюю сторону. Теплое дыхание, чуть горчачее от сигарет, проникало сквозь кожу.

Калли не могла вздохнуть, бесконечно падая куда-то в пропасть, где было слишком жарко для ее слабой плоти.

Старк слизнул с ее подбородка вино, пролившееся мимо. Его язык вновь обжег губы девушки, дотронулся до зажмуренных глаз. Вычерчивая сложную влажную линию, добрался до ушной раковины, медленно обвел контур маленького ушка и соскользнул внутрь него.

От этого действия Каллисту подбросило на постели. Какой-то судорожный жалобный вскрик вырвался из ее пересохшего горла. Она заметалась под Старком, силясь освободиться, но его руки припечатали ее на прежнее место. Она невольно распахнула глаза, чтобы опять упасть — в темную бездну его бесовских очей.

Старк поймал ее обезумевший взгляд, тихонько рассмеялся в паре миллиметров от исказившегося припухшего рта и вновь принялся сладострастно терзать его языком, опаляя нежную плоть. Каллиста снова зажмурилась.

Эти два слова прозвучали откуда-то из параллельного мира. И не сразу достигли сознания. Глаза Калли не хотели открываться, длинные ресницы, почему-то мокрые, будто приклеились к щекам. Калли глубоко вздохнула.

Старк уже не держал ее. Он стоял возле столика, наполняя бокалы. Половина пуговиц на его черной рубашке была расстегнута, и волосатая грудь отчетливо виднелась в полутьме, притягивая взгляд.

Какая-то горечь подкатила к горлу, и Каллиста закашлялась. Лукас подошел к ней, задыхающейся, и, присев на краешек постели, вручил бокал:

— Выпейте, мисс Горький шоколад. Просто так, без всякого тоста. Вам это сейчас необходимо.

Калли послушалась. Ей и в самом деле нужно было выпить как можно скорее, и не важно что. Глотая, она не почувствовала ни вкуса, ни терпкого аромата вина, но ее горло ощутило блаженную прохладу.

— Мне нравится вкус горького шоколада, — произнес Старк, вертя бокал за тонкую ножку. —

Ни на что не похожий и пикантный, соблазнительный и незабываемый. Монпансье гораздо слаще, приторнее, после него хочется лишь глотка чистой воды. А после горького шоколада хочется... еще горького шоколада.

— Я вас ненавижу, — пробормотала Калли, откидывая с влажного лба разметавшиеся пряди.

Сил, чтобы приподняться с постели, у нее не осталось. Она упала обратно на подушки. Взметнувшиеся волосы опустились подле ее головы черным ореолом. Насколько обольстительной она была сейчас, растрепанная и залитая вином, — Калли даже не представляла.

— Я счастлив. — Старк взял ее за руку, легонько сжав затрепетавшие пальчики, затем поднес их к своим горячим губам и принялся по очереди целовать. — Ненавидьте меня и дальше, мисс Горький шоколад, и как можно сильнее. Я желаювашей ненависти...

4

Бежать.

Ей надо попытаться бежать. Это Каллиста осознала ночью, когда Старк наконец-то ушел. Спать она не могла. Разве можно было заснуть после того, что ей пришлось пережить пару часов назад?

При воспоминании, как хищные губы Старка «пробовали» ее, не пропуская ни миллиметра шелковистой плоти, девушку сотрясала нервная дрожь.

Господи, неужели это и в самом деле случилось с нею? До Старка ни один мужчина не касался ее. Калли не подпускала их к себе даже на расстояние вытянутой руки. Она была к ним равнодушна, живя музыкой и в музыке. Столкнувшись с действительностью, она осознала, что многого еще не знает о грешном мире и... о мужских губах.

Калли застонала, сбросила ногами одеяло, сползла на прохладный пол и распласталась на нем, пытаясь остудиться. Но огонь пожирал ее изнутри, и спасения не было нигде.

Каллиста тяжело поднялась и побрела к окну, резким движением раскрыла жалюзи и уставилась на наливающуюся жидким лимонным сиропом луну.

Где ты сейчас, Ари? Осталось всего двенадцать дней. Сумеешь ли ты вытащить меня из пропасти? Хотя бы попытайся, родная. Сделай одну-единственную попытку. Впрочем, другой у тебя и не будет... Сделай это, Ари, мы ведь сестренки-близняшки...

...одна из которых виртуозно подставила другую.

Сухое рыдание вырвалось у Калли, и она отчаянно замотала головой, пытаясь справиться с накатившей истерикой. Двенадцать дней. Что с ней сделает Старк, когда время истечет? Ей следует бежать...

Бежать.

Каллиста перестала мотать головой и вновь посмотрела в окно, на толстую стену, огибавшую виллу. Есть ли там лазейка? Ей следует выбраться из виллы, а через стену она как-нибудь переберется.

Каллиста дотронулась до висков, где вдруг запульсировала жилка. А ведь у нее может получиться. Она не всегда сидит взаперти. Старк уезжает на целый день в офис. Она может попросить разрешения прогуляться по дому. Есть ли здесь библиотека? Она пойдет туда или еще куда-нибудь. Стража не будет ходить за ней по пятам. Наверное, никому и в голову не придет, что сублистная мисс Саймон решится махнуть из окна. Но только второго этажа.

Да-да! Она обязательно попытается.

Глядя на стену, освещенную луной, Каллиста пыталась определить ее высоту. У нее все должно получиться.

А если не получится...

— Разумеется, у меня есть библиотека, — Старк с удивлением воззрился на нее с противоположного конца стола. Поскольку в эту ночь Каллиста так и не заснула, пришедший Лукас обнаружил ее полностью одетой и с уложенными волосами. Ему осталось только умилиться на подобную дисциплинированность узницы.

Он ни словом не намекнул ей о том, что случилось вчера. Но по щекам Калли пополз горячий румянец, едва она взглянула на улыбающиеся губы Старка. Прикосновения этих губ перекроили ее сознание.

— Вы любите читать, мисс Саймон?

— Да. — Каллиста кивнула с таким энтузиазмом, что несколько прядей вылетели из узла и упали ей на лицо.

С особенным интересом она прочитала бы практическое руководство «Как сбежать с виллы Лукаса Старка». Но, к сожалению, такого для нее не написали. Впрочем, подробный план виллы ее бы тоже устроил.

— О, это радует. В наше время не часто встретишь молодую леди, которая увлечена чтением.

Кажется, Старк над ней издевался. Но она попыталась улыбнуться ему. Пусть издевается, только бы ничего не заподозрил.

— Не имею возражений против того, чтобы вы коротали день с книжкой в руках. — Старк отправил в рот остаток тоста, запил его кофе и поднялся. — Поэтому, когда захотите почитать, крикните Тома, сегодня его дежурство. Он вас отведет в библиотеку. Ну а вечером развлекать вас снова буду я.

Это было сказано до того многозначительно, светлые глаза так ослепительно вспыхнули, что Калли пронесла чашечку с кофе мимо рта. Рассмеявшийся Старк послал ей воздушный поцелуй и вышел из столовой. Каллиста проводила его до-о-лгим взглядом.

Разумеется, ждать она не стала. Едва машина Старка скрылась из вида, она немедленно крикнула Тома. Тот явился, перемалывая могучими челюстями неизменную жвачку, и без возражений отконвоировал узницу в библиотеку.

Сбылись лучшие мечты Калли — библиотека и в самом деле находилась на втором этаже. Даже не взглянув на многочисленные шкафы с фолиантами, девушка подошла к окну и выглянула из него. Что ж, высоко, но не очень. Правда, придется прыгать босыми ногами на плитку.

Каллиста посмотрела на дверь библиотеки. Том остался в коридоре. Наверное, заглядывать сюда он пока не будет. Мысленно перекрестившись, Калли взялась за шпингалеты. Попотеть пришлось изрядно, прежде чем задвижка поддалась. Распахнув окно, Калли едва не задохнулась от хлынувшего воздуха и от радости.

Она внимательно осмотрела двор — повсюду было пусто и тихо. Казалось, что вилла вообще вымерла. Примеряясь, Каллиста села на подоконник. Еще раз перекрестилась и, прошептав: «Ой, прыгаю», полетела вниз.

Босые ступни как будто обожгло. Приземлившись на мелкие камешки, как иглы воткнувшиеся в кожу, Каллиста невольно вскрикнула от резкой боли. Расстояния она не рассчитала — окно было выше, чем казалось сверху, и ошибка в расчетах обернулась ранами на ногах.

Слезы брызнули из глаз. Чертыхаясь и проклиная все на свете и особенно треклятого Старка, Калли направилась к воротам. Она сделала целых пять шагов, как ее остановил ровный голос Лукаса:

— Ворота заблокированы электроникой, мисс Саймон. И я вам не советую делать в ту сторону еще хоть один шаг.

Каллиста, похолодев, обернулась на обрушившийся с небес голос. Старк, облокотившись на перила балкона, наблюдал за ней, держа в пальцах зажженную сигарету. Выражение его лица было трудно понять.

— Вы же уехали, мистер Старк, — проговорила она, стоя неподвижно, щурясь от солнца и глядя снизу вверх на свое курящее проклятие.

— Как видите, я задержался... Специально для того, чтобы посмотреть, чем обернется ваша внезапная любовь к чтению. — Старк выдохнул в воздух серебристый дым. — Из окна вы выпрыгнули очень красиво. У меня даже дух захватило от картины этого полета. Вы крайне отчаянная девушка. Мне это по сердцу. — Он махнул ей рукой. — Однако возвращайтесь. Погода сегодня нелетная. Для вас...

Каллиста сдержала стон и, морщась от каждого шага, покорно направилась к входной двери, распахнутой перед ней предупредительным Томом. На лице охранника не отражалось ничего. Наверное, он просто не видел, как она летела из окна.

Старк уже находился в холле, продолжая курить. Каллиста искоса взглянула на него и стала подниматься по лестнице. Старк, затушив сигарету, пошел следом за ней, глядя, как на ступенях остается кровь.

Калли мечтала упасть на кровать и истошно заголосить от безысходности и боли в пораненных ступнях. В кровать она упала, но заголосить не удалось. Вошедший Лукас остановился над ней и коротко приказал:

— Покажите ваши ноги.

— Зачем? — вяло поинтересовалась она.

Старк не ответил и, присев на корточки перед кроватью, приподнял левую ногу Калли, чтобы рассмотреть окровавленную ступню.

— Как же вас так угораздило, мисс Саймон, — укоризненно покачал он головой. — Вы хоть бы

смотрели, куда прыгаете.

— А вы бы хоть тапочки мне приобрели, — огрызнулась Каллиста в ответ.

— Белые? — изломил бровь Лукас, продолжая изучать пораненные ножки.

— Розовые, с атласными бантиками, — бросила Калли с раздражением, возрастающим от того, что ей (точнее, ее ногам) были приятны осторожные прикосновения Старка. От них можно было сойти с ума.

— Я подумаю над вашим предложением, мисс Саймон. — Лукас опустил ее ногу и поднялся. — Но вначале придется позаботиться о ваших прелестных ножках и обработать их антисептиком. Я сейчас его принесу.

— Уж будьте любезны, — горько съехидничала Калли.

Сейчас было самое время заголосить, но желание пропало. Калли лежала, неслышно вздыхая, и молча дожидалась Старка, проклиная себя за невезучесть. Остается двенадцать дней...

А что потом?

Старк вернулся с антисептиком, тазиком с водой и полотенцем.

— Спускайте ноги. — Он поставил тазик перед кроватью. — Раны надо сначала промыть. Вы вся в крови.

Каллиста посмотрела на колеблющуюся воду. Бедные, бедные ее ножки. Пострадали зря... Она опустила их в таз и покривилась — слишком чувствительной оказалась вода для открытых ранок.

Старк присел на корточки и принялся намыливать ее ногу.

— Что вы делаете? — вспыхнула Калли.

— А вы как думаете? — парировал Старк, с чувством поглаживая скользкую от душистого мыла белую ступню.

— Я ничего не думаю, — заплетающимся языком отозвалась Каллиста, пытаясь не впасть в транс и остаться в полном сознании.

— Я это заметил, — сардонически усмехнулся Лукас. — Если бы вы хоть капельку думали, то не стали бы выбрасываться из окна с такой высоты.

— Я не выбрасывалась. Я просто выпрыгнула.

— В данных обстоятельствах это почти одно и то же.

Каллиста не ответила, потому что мокрые пальцы Старка вдруг извилисто заскользили вверх по ее ноге, к круглому колену. Вот теперь в обморок следует упасть. И немедленно! Чтобы не умереть.

От незнакомого доселе грешного блаженства.

— Что вы делаете? — дурацкий вопрос вновь сорвался с ее повлажневших губ.

— Не отвлекайте меня расспросами, — нежно мурлыкнул Лукас. — Вы разве не видите, что я занят?

— Вижу.

Она видела наклоненную темную голову Старка, видела, как его губы скользят по ее мокрой коже, как они огибают колени и вновь устремляются вниз, к мокрым пальчикам, принимаясь целовать их каким-то особенным способом. Она видела собственные руки, которые вдруг начали подрагивать.

Калли не знала, куда деть эти дрожащие руки. Они везде были лишними, везде мешали. Наверное, их следовало бы положить на склоненную голову Старка, а еще лучше — запустить в его густую темную шевелюру.

О чем это она?

Каллиста ужаснулась в сотый раз за этот едва начавшийся день. К вечеру она непременно сойдет с ума. И для нее это будет благом.

— Я вас ненавижу, — слабо выдохнула она, когда язык Старка лизнул ее большой палец.

— Вы мне это уже говорили. — Лукас на миг оторвался от вожделенной ноги и посмотрел на ее лицо. Глаза у него сверкали так, что золотистые искры могли подпалить шелковую ткань халатика.

— Сегодня я вас ненавижу больше, чем вчера. — Каллиста не смогла выдержать его взгляда и уткнулась глазами в подол своего легкомысленного лилового одеяния.

— Вы делаете меня счастливейшим из смертных, мисс Горький шоколад. — Лукас опять занялся ее пальчиками на ногах, то ли лаская, то ли мучая их губами.

Сколько *это* продолжалось? Каллиста не смогла бы ответить точно. Она просто выскользнула из реальности и, покачиваясь на теплых волнах, поплыла в дальние дали, где еще ни разу не бывала. Там было очень жарко. Те дали назывались...

...пеклом. Из которого она еле-еле выкарабкалась. Очнулась, задыхаясь. А Лукас Старк уже вытер ей ноги полотенцем и смазывал антисептиком.

— С ранами покончено, — произнес Старк, когда ее глаза сделались осмысленными и уставились на него с диким выражением, которое он предпочел не заметить. — Ну а теперь, мисс Саймон, вам придется ответить за побег...

— Что? — Калли не поняла, но заледенела.

— А вы думали, эта глупая эскапада вам с рук сойдет? — Красивый рот Старка вдруг изогнула зловещая улыбка, ужесточившая линию рта. Старк, который ласкал ее пальчики, преобразился до неузнаваемости. Оказалось, что все его давешнее добродушие и мягкая незлобивая ирония — всего лишь маска. Настоящий мистер Старк был в бешенстве. — Не-е-ет, драгоценная мисс, за попытку побега вы будете наказаны. Без всякой жалости. Чтобы впредь неповадно было...

— Мистер Старк...

Это единственное, что она успела произнести. Затем мир перевернулся и взорвался. Калли

вдруг ощутила спиной кровать, опрокинутая одним сильным движением. Старк навалился сверху, губами добираясь до приоткрывшегося рта, руками — до груди, распахивая халат.

Нет, он не целовал — он наказывал. Худшее из наказаний, когда нежные губы под натиском других губ превращаются в пульсирующие сгустки. И больно, и жгуче, и паляще.

Не-вы-но-си-мо.

Калли пыталась бороться. Но ее вдавили в постель с такой силой, что каждый вздох ей давался с трудом. На заломленных руках наверняка останутся синюшные отметины, если конечно, она сейчас не задохнется и не умрет.

Губы осатаневшего Старка были повсюду, и каждое их касание порождало стон, заставляя выгибаться всем телом. Там, где он целовал, кожа истончилась, пылала и была готова расползтись, как тонкая непрочная материя.

Этюдилось и длилось и никак не могло закончиться. А потом внезапно все прекратилось.

Калли перевернулась на живот и уткнулась горящим лицом в смятую подушку. Губ своих, припухших и потрескавшихся, она не чувствовала, зато исцелованная грудь саднила нестерпимо. И еще подбородок, нещадно исколотый щетиной. Откуда-то сверху до нее донесся чуть сбившийся от борьбы негромкий голос Старка:

— Надеюсь, мысль о побеге больше не возникнет в вашей хорошенькой головке, мисс Саймон. В противном случае наказание за вторую попытку станет для вас адом...

— Айви, ты уже договорился с покупателем?

— Мы все еще торгуемся, очень неуступчивый тип попался. Но ему придется выложить тридцать кусков. Я пригрозил, что отправлю орнитоптеру на аукцион, и он занервничал. Так что скоро я смогу вернуть долг своему злобному братцу. Пусть утрется.

Скоро...

Держись, Калли! Твоя сестра постарается в ближайшие два дня вернуть Старку бабочку. Всего два дня, и ты будешь свободна. Два дня.

Потерпи, родная.

5

Розовые.

С атласными бантиками.

Тапочки...

Калли смотрела на них так, как будто не верила собственным глазам. Они выглядели почти кукольными, эти розовые тапочки на маленьком каблучке. Когда они появились возле ее постели? С вечера их тут не было и в помине.

Каллиста спустила ноги и надела их. Восхитительно! Точно по ее размеру. Они притопнула ногой, а затем, легко соскочив, прошлась, вальсируя, по комнате, стараясь вытерпеть

заглохшую было боль в пораненных ногах.

У нее никогда не было розовых тапочек. Она должна была бы сказать спасибо Лукасу Старку, если бы ее не начинало подташнивать при любом воспоминании о нем. Вот и сейчас, лишь только это имя закралось в ее сознание, горечь немедленно взвилась и подступила к гортани.

Благодаря Лукасу Калли узнала кое-что о мужских губах — что они могут становиться каленым железом и выжигать плоть.

Вчерашний день прошел без Старка. Он исчез из комнаты сразу после случившегося и не появлялся в течение всего следующего дня. Калли измучилась смотреть в окно. Измучилась бродить по комнате. Измучилась сидеть на постели и гипнотизировать дверь, которая открылась лишь трижды — для завтрака, обеда и ужина.

Что произошло?

Почему Старк исчез? Она даже не знала, в доме он или нет. Если нет, то где он? Калли крепилась изо всех сил, чтобы не запаниковать. Еще десять дней до истечения срока. У нее еще есть надежда. Она не хотела ее терять.

А сегодня прямо с утра появились эти розовые тапочки. Значит, Старк все же приходил. Когда она его увидит?

Каллиста вдруг разволновалась. Она опять посмотрела на тапки, но уже с укоризной, потому что они не могли дать ей никакого ответа. Калли зачем-то дотронулась до своих губ и тотчас отдернула ладонь, будто обжегшись. Пусть мистер Старк не приходит подольше.

Так оно и вышло. Но «день без мистера Старка», который Калли провела в компании лишь подаренных тапочек, показался ей долгим и пустым. Когда он, наконец, закончился, Каллиста надела вечернее платье оттенка малины с молоком, тон в тон к розовой «обуви». Именно в таком виде ее и застал Старк.

— Вы меня ждали? — с порога осведомился он, окидывая насмешливыми глазами девушку в странном одеянии — в дорогом вечернем платье и в домашних полудетских тапочках.

— Я ждала живую душу... любую, — тихо ответила она, не поворачиваясь в его сторону.

Ждала ли она его? Трудно сказать. Еще труднее признаться — что ждала. Но когда он наконец-то появился, Калли об этом пожалела, ибо его присутствие воскресило воспоминания о «наказании». И губы заныли. По ним словно пробежал ток в 360 вольт, едва не обуглив.

— Меня вы относите к душам живым? — Старк неслышно прошел в сумрачную комнату.

— А у вас есть душа, мистер Старк? — вопросом на вопрос ответила Калли и, повернувшись, оказалась с ним лицом к лицу.

Лукас усмехнулся и поддел пальцем ее упрямый подбородок. В его глазах запрыгали чертики.

— А вы как считаете, мисс Саймон? — хриловато шепнул он, и легкий ментоловый ветерок задел ее подрагивающие губы.

— Я ее не чувствую, — тоже шепотом ответила Калли.

— И что я должен сделать, чтобы вы ее *почувствовали*? — Старк придвинулся совсем близко —

его черты стали расплываться у нее перед глазами.

— Отпустите меня...

— Так? — недобро ухмыльнулся Лукас, выпуская ее подбородок.

— Совсем.

Старк безмолвно направился к двери, резко распахнул ее и проговорил бесцветным голосом:

— Пройдемте в столовую, мисс Саймон. Ужин на столе.

Калли беспрекословно подчинилась. Ни одной слезинки не покатилося из ее увлажнившихся глаз. Кажется, она скоро разучится плакать в этом доме — каменном, как и сердце идущего впереди нее мужчины. Наверное, и дом, и сердце высечены из одной и той же гранитной породы. Первая половина ужина прошла в молчании. Тишину нарушал только звон вилок о тарелки. Потом Калли спросила:

— Что вам известно на данный момент о моей сестре?

Вопрос прозвучал неожиданно. Лукас отложил вилку в сторону и откинулся на стуле.

— То есть вы хотите узнать, предпринимает ли она чего-нибудь для вашего освобождения? — саркастически уточнил он.

— Я хочу узнать, что с ней. — Калли тоже отложила вилку, потому что ее горло больше не могло принять ни одного кусочка. — Или эта услуга тоже «платная»?

— Нет, эта услуга не платная, — широко ухмыльнулся Старк, сделавшись похожим на счастливую акулу. — Но мне сказать вам практически нечего. Ари по-прежнему обретается возле Айви. Мой братец нашел покупателя и собирается продать бабочку по низкой цене. Каким образом ваша сестра сможет помешать ему сделать это, я, если честно, представляю плохо. Орнитоптера хранится в сейфе, а сейф так просто не вскроешь.

Острый скальпель надсек сердце, и оно закровило. Улыбающееся лицо Старка на мгновение закачалось перед глазами. Ари, неужели у тебя не получится?

— Вы знаете имя того покупателя? — слабый вздох слетел с побледневших губ вместе с вопросом.

— Это аноним, — покачал головой Старк.

— И вы допустите, чтобы сделка состоялась?

— Она обязательно состоится, — холодная нотка явственно слышалась в голосе Лукаса. — Этому помешать я не смогу. Я не всемогущ.

— Тогда почему вы так спокойны?

— Потому что волноваться должны Ари и Айви. И... вы. — Старк отправил ей через стол воздушный поцелуй. — А я поберегу свои нервы.

Калли снова взялась за вилку и сжала ее так, будто хотела вонзить в горло Старку. Впрочем, так оно и было. Но ослабевшие пальцы сумели удержать «оружие» всего пару секунд,

после чего вилка снова выпала из них с предательским стуком.

Она ждала.

Ждала, ждала...

Когда закроют дверь. Время уже было далеко за полночь, но ключ в двери не поворачивался. Старк ушел от нее почти два часа назад. О чем они говорили? О чем-то... Но Калли опять не могла вспомнить ни одной сказанной фразы. Кажется, Старк рассказывал что-то чрезвычайно смешное. Смеялась ли она? Не помнит.

Каллиста в миллионный раз взглянула на незапертую дверь. Потом на часы, потом снова на дверь. Встала и подошла, нажала на ручку. Дверь открылась, приглашая выйти, но Калли не поддавалась этому любезному приглашению — вернулась в разобранную постель и оказалась во власти убийственных дум.

Старк не препятствует продаже своей драгоценной бабочки. Почему? Или она ему не так уж нужна, эта проклятая орнитоопера? Или он надеется на ловкость Ари? Нет.

Каллиста даже усмехнулась на эту дикую гипотезу. Мистер Лукас Старк кроме себя ни на кого не надеется. Но что-то тут все равно не так. Зачем ему Калли, если он не препятствует сделке? И что с ней станет, когда одиннадцать дней истекнут?

У Каллисты повлажнели руки, едва она подумала про ускользающие дни.

Она снова посмотрела на дверь, отравленная ядовитой мыслью: а что если повторить попытку побега? Сейчас ночь. Возможно, дверь просто забыли запереть, но думают, что пленница сидит под замком. Это шанс...

По коже Калли побежали мурашки. Что за соблазнительная идея! Прочь! Или... Ее могут хватить лишь к утру. За это время она убежит о-очень далеко. У нее ведь теперь есть тапочки.

А что если не убежит? Что если ее вернут? Старк вполне внятно «предупредил» насчет следующих побегов. До сих пор губы покалывают... Все может закончиться очень плохо. Гораздо хуже, чем в прошлый раз...

Но дверь-то не заперта.

Калли вновь пробуравила дверь тяжелым взглядом. Лучше бы она была закрыта! Тогда не было бы этих мучительных дум. Калли просто легла бы спать.

Она шагнула к окну, раздвинула пластинки жалюзи и выглянула во двор, ярко освещенный прожекторами. И кошка не проскользнет незамеченной. Но кое-где есть намеки на тень, там можно, наверное, прокрасться. А на стену она заберется...

Калли потеряла заломившие виски. Надо решаться. Иного случая не предвидится.

Бежать!!!

Она бросилась к платьям, пытаясь из вечерних нарядов выбрать более-менее удобный для побега. Ни одного подходящего! И черт с ними! Она наденет вот это — черное, пусть у него декольте почти до талии, зато в нем можно слиться с ночными тенями.

Каллиста сунула ноги в драгоценные тапочки и выглянула в коридор. Весь дом спал. Тишина властвовала в нем — абсолютная и плотная. Калли вышла, прикрыв неслышно дверь, и стала красться к центральной лестнице. Она не была уверена, что сможет отпереть входную дверь, но как-нибудь выбраться все равно сумеет.

Она начала спускаться по ступеням. Дошла практически до последней, как ее заморозил голос Старка:

— А я уж начал опасаться, что вы снова сиганете в окно.

Каллиста вцепилась в перила. Она слишком поздно заметила, что в темном холле слабо мерцает огонек зажженной сигареты. Старк сидел в кресле и ждал ее.

— Надо полагать, это вторая попытка к бегству, мисс Саймон?

Темнота сделалась гуще. Ее можно было взять в руки и скомкать, как вату.

— Это вы виноваты. Вы нарочно не заперли дверь, — процедила Каллиста сквозь клацающие от ужаса зубы. — Вы сами спровоцировали меня.

Тихий смешок долетел до нее. Он был самым лучшим ответом.

— Может статься, мисс Саймон. Но вы были предупреждены насчет побегов...

Увидев, как мигнула и погасла затушенная сигарета, Каллиста развернулась и бросилась вверх по лестнице. Взлетела по ступеням, а после взмыла под потолок, подхваченная руками настигнувшего ее Старка.

Он понес ее в темноту, минуя множество дверей, не слушая возгласов и не реагируя на отчаянные попытки вырваться. Кажется, она даже сумела ударить его в скулу, но это не возымело никакого действия.

Старк ногой распахнул двери и, дойдя до огромной кровати, кинул Калли на прохладное шелковое покрывало. Калли увернулась и сползла с постели, но ее снова бросили на шелк, придавив всем телом.

— Я тебя предупреждал, — прохрипел Старк и принялся целовать так, что у нее исторгся стон.

Она слышала, как разорвалось платье. Легко, словно тончайшая паутинка. Губы Старка немедленно добрались до ее обнаженной груди. Калли с силой выгнулась, а потом неожиданно обмякла под Старком. Вспышка, искра, пламя и...

...она просто перестала быть.

— Останови меня, пока не поздно, — жаркий шепот пытался пробиться в ее сознание, которое в эти мгновения уже существовало отдельно от нее самой.

Она падала в черную яму. Падала не одна, и судорожно цеплялась за того, кто был рядом с ней. Кто держал ее в объятьях, хриплым шепотом уговаривая остановить его. Но она не могла этого сделать, увлекаемая черным горячим вихрем вниз, вниз, вниз...

Калли видела глаза, светлые-светлые, точно прозрачные. Она отражалась в расширенных зрачках: с припухшими губами, влажным лицом и загадочной улыбкой.

Ласкавшие ее руки становились то нежными, вызывая сладострастный трепет всего ее существа, то безжалостными, порождая тихие стоны, заглушаемые неистовыми поцелуями. Она поддавалась этим алчущим ее плоти рукам, раскрывалась для них, подобно пробудившемуся бутону.

Она удивилась неожиданной боли, которая вдруг родилась внутри нее. Но новорожденная боль сразу умерла, там же — внутри, и изнемогающая плоть ощутила лишь волны тепла.

А потом снова была вспышка. Был восторженный вскрик, зазвеневший во мраке. Был свет, и были светлые глаза.

А дальше вернулась реальность...

...Каллиста вскочила на постели, хватая ртом воздух. Казалось, что она ловит губами сухой зной. Жарко. Очень. В преисподней гораздо прохладнее. Тело покрыто испариной, словно невесомой пленкой. Ее ли это тело вообще? Оно слишком пусто изнутри, там вакуум, как в воздушном шарике. Ток бежит по надорвавшимся нервам, и те искрят — короткое замыкание неизбежно. Или оно уже случилось?

Калли провела пальцем по влажному запястью. Затем покосилась на лежавшего на животе голого Лукаса Старка. Положив взлохмаченную голову на подушку, он то ли смотрел на Калли, то ли не смотрел. Ее же глаза невольно пробежали по его обнаженному телу, такому же блестящему от влаги, как и ее собственное. Картина впечатляла. На нее откликалось что-то неимоверно сильное и острое внизу живота.

— Что вы со мной сделали? — спросила Каллиста, борясь с тем самым острым чувством, пульсирующим в глубине ее существа.

— Я тебя изнасиловал, если ты этого не поняла, — усмехнулся Старк и потянулся за сигаретой.

Не поняла.

Себя она не ощущала жертвой насилия совершенно. Ей было слишком хорошо. Если это и было насилие, то только над пружинами матраса — им пришлось нелегко.

Каллиста рассмеялась вслух. Окутанный сигаретным дымом Лукас с удивлением взглянул на нее.

— Ты меня удивляешь и удивляешь, мисс Горький шоколад, — произнес он странным голосом. — Очень хотел бы знать, чему ты можешь сейчас смеяться?

Каллиста не стала отвечать на этот вопрос и задала свой:

— Что это за комната?

— Я здесь сплю.

— С женщинами?

— И без женщин тоже. — Старк улыбнулся, забыв затануться; — Это моя спальня.

— Красивая.

Калли окинула взором роскошные шелковые обои цвета золотистого ореха, изящную мебель

ручной работы из драгоценных пород дерева, удивительный ковер с необыкновенно сложным рисунком, казавшимся особыми тайными письменами.

Роскошь, которая не ослепляла — услаждала.

Калли с легким блаженным вздохом откинулась на подушки и прикрыла глаза. Тепло, исходившее от раскинувшегося рядом Старка, прогрело до сердца.

— У тебя кровь, — произнес Лукас.

— Кровь? — Глазные веки не хотели даже приподниматься от сладкой слабости.

— Я тебя лишил девственности.

— Да, — откликнулась она неопределенно куда-то в потолок.

— Поэтому и кровь.

— Я ее потом смою. Но простыни стирайте уж сами, мистер Старк.

Лукас чертыхнулся.

— Почему ты так себя ведешь? — Он затушил сигарету, потянулся к Калли и встряхнул ее, приподняв над подушками. После встряски глаза девушки немедленно открылись.

— Как я себя веду? — Каллисту снова затянуло в колдовскую глубину его глаз.

— Твое поведение ставит меня в тупик, — сквозь зубы признался Лукас. — Это какая-то игра с тайным умыслом? Ты не забыла, что гостишь у меня не по своей воле? И что девять дней истекнут быстро? Или ты надеешься, что, став моей любовницей, сможешь облегчить свою участь?

От цинизма последнего предположения Калли замутило до горечи, которую она проглотила, не подавая виду.

— Мистер Старк, — проговорила она, стараясь, чтобы голос не дрожал от нахлынувшего клокочущего бешенства, — вашей любовницей я не стану, даже не надейтесь на это. Я не собираюсь платить собой за «облегчение участи». — Она не сказала, а с шипением выплюнула эти слова. — Я не преступница, чтобы требовать снисхождения. Преступник на самом деле вы, потому что насильно удерживаете меня на этой вилле. — Она метнула холодный взор на остолбеневшего Старка и усмехнулась. — И когда-нибудь любого преступника постигнет расплата.

— Похоже, она уже настигла меня, — задумчиво произнес Старк, загадочно глядя на Калли.

Каллиста больше ничего не стала ему говорить. Хотела опять закрыть глаза, но вспомнила про упомянутую кровь и принялась ее рассматривать. Да ее почти и нет, этой пресловутой девственной крови. Одна-единственная капелька. Смех да и только.

Но смех Калли, раздавшийся в ночной тишине, скорее был похож на пронзительный хохот сумасшедшего.

Она сделала это, сестренка. Раздобыла код от сейфа, где Айви хранит бабочку. Сегодня вечером ты, Калли, будешь свободна и сможешь проклясть Ари на веки вечные. Хотя, наверное, ты уже это сделала. Но Ари все понимает. И она спасет тебя, Калли.

Ари принялась лихорадочно набирать цифры кода. Все правильно. Дверца сейфа открылась и...

Сейф был пуст.

Яростный возглас вырвался у Ариадны. Она не верила глазам. Не хотела верить. Бабочки в сейфе не было. Но еще вчера Айви любовался этой драгоценной радужной тварью, а после, как обычно, запер ее в сейфе.

Айви отсутствовал. Он уехал давно... Куда младший Старк поехал? Господи, да он уехал, наверное, чтобы продать бабочку, ни словом не обмолвившись об этом Ари! Выходит, сделка состоялась на день раньше...

Ари опустила на пол перед распахнутым сейфом и впервые за много лет разрыдалась в голос.

Волны то смеха, то беззвучных рыданий накатывали на Калли одна за другой. Она сидела на кровати, поджав ноги, и тупо смотрела на медленно заходящее солнце. Заканчивался еще один день. Какой он по счету? Каллиста не могла припомнить сегодняшнее число, и этот факт ее чрезвычайно смешил. Покусывая губы, она непрерывно хихикала.

Где ты, Ари?

Что ты сейчас делаешь? Вспоминаешь ли свою копию-сестренку или уже списала ее со счетов? Осталось не так уж много дней. Сделай хоть что-нибудь, Ари!

Последние солнечные лучи, пробивающиеся из-за горизонта, напоминали свет прожекторов.

Сквозь оконное стекло в комнату просочились сумерки.

Каллиста вздохнула и свернулась на кровати клубочком. Скоро придет Старк и... Она не знала, что случится потом. Слишком много уже случилось с ней в этом доме, и ей никогда не стать прежней.

Губы Каллисты искривила улыбка. До чего забавно все получается: если бы не глупая выходка Ари, Калли никогда бы не познакомилась со Старком. В той, прошлой жизни они принадлежали к разным кругам, не подозревая о существовании друг друга. Калли не знала, что на свете есть мужчина с прекрасными светлыми глазами, а Лукас вряд ли мог вообразить, что по земле ходит точная внешняя копия Ариадны Саймон, которой он однажды подарит розовые тапочки с атласными бантиками.

Если бы не Ари, Калли сейчас сидела бы в уютной квартирке и, прихлебывая кофе, слушала с полузакрытыми глазами Шопена, чью гениальную музыку исправно воспроизводила древняя изъезженная пластинка, которой давно место в музее раритетов. И Калли не сводили бы с ума воспоминания о том, как она со всей своей пробудившейся страстью отдалась Лукасу Старку...

Калли расхохоталась до слез, но смех резко оборвался.

А вот и мистер Старк.

Калли, с ее удивительным музыкальным слухом, научилась узнавать его шаги, когда они, еще далекие, едва слышались на ступенях. Каждый по-кошачьему мягкий шаг отдавался в ее сердце. Слушая их, она переставала дышать и вдыхала воздух, лишь когда открывалась дверь.

При появлении Старка в комнате Калли не переменяла позы. Не шелохнулась. Даже тогда, когда он сел к ней на кровать.

Не говоря ни слова, Лукас взял ее за руку, и через мгновение вокруг запястья Калли обвилось нечто холодное. Она вздрогнула от неожиданности и перевела взгляд на источник неприятного холода. Глаза кольнул радужный льдистый свет. Каллиста смотрела на тонкий браслет, камни в котором подозрительно напоминали бриллианты.

— Пытаетесь сделать из меня шлюху, мистер Старк? — с едкой неприязнью поинтересовалась она.

Удар не достиг цели, однако на мгновение Старк замер.

— Из тебя не получится настоящей шлюхи, — отозвался он, поглаживая пальцем ее тонкое запястье, охваченное бриллиантами. — У настоящей шлюхи внутри — лед, а у тебя, милая, — россыпи тлеющих угольков, из которых легко вспыхивает пламя.

Может быть, может быть... Каллиста не стала с ним спорить. Поглаживания пальцем были приятными, даже успокаивали. Но какая-то блуждающая по крови игла чувствительно колола и не давала покоя.

— Тогда зачем вы так по-королевски раскошелились на меня? — Калли потянулась к застежке браслета, но угадавший ее намерение Старк сжал ей руку.

— Ты не отказалась ни от платьев, ни от розовых тапочек. Браслет — это тоже одежда. Я хочу, чтобы в следующий раз, когда мы окажемся в постели, ты была одета только в него.

В следующий раз?

Калли демонстративно приподняла брови и бросила на Старка подчеркнуто удивленный взгляд: какой это еще «следующий раз», мистер Старк?

Лукас ей ответил понимающей ухмылкой. Они, наверное, могли даже не произносить слов вообще, ибо все легко угадывалось по выразительным гримасам. Театр мимов да и только. Однако в этом театре атмосфера была далеко не веселая.

— Наверное, вы все-таки путаете меня с Ари, мистер Старк, — промолвила Калли чуть надтреснутым голосом. — Оно и понятно — мы слишком похожи. Сестрички-близняшки...

— Вы совсем не похожи, — не согласился Старк самым серьезным тоном, — у вас только черты одинаковые, но вы совершенно по-разному смотрите, улыбаетесь, даже дышите по-разному. Вы такие разные, Каллиста и Ариадна Саймон...

Между лопаток пробежал холодок. Калли передернула плечами. Ей еще сильнее захотелось избавиться от браслета, но Старк по-прежнему нежно гладил ее запястье.

— Ари, кстати, мне сегодня днем звонила, — продолжал он неспешно, почти нараспев,

убаюкивая.

— Звонила? — Калли встрепенулась, и от резкого движения ее рука на мгновение выскользнула из нежной хватки, но тотчас вновь очутилась в ее плену. — Чего она хотела?

— О, сколько эмоций сразу всколыхнулось, — усмехнулся Лукас. — Вы чрезвычайно сильно связаны между собой, сестрички Саймон...

...одна из которых виртуозно подставила другую.

Наверное, Старк догадался, что за мысль сейчас бродит в голове Калли, потому как его улыбка ужесточилась, скрылась в глубоких складках.

— ...и каждая неистово жаждет узнать про другую частичку одного целого. — Слова у него теперь явственно произносились нараспев. — Ари я утешил, сказал, что у ее сестрицы пока все хорошо. Я ведь не ошибаюсь?

Калли неотчетливо мотнула головой.

— А вот Ари, как мне показалось, была немного расстроена. Голосок у нее заметно дрожал.

Вновь от затылка вниз по позвоночнику пробежал озноб, покалывая, словно еловая ветка.

— Вы спросили про орнитоптеру?

— Разумеется, — кивнул Старк. — Как же я мог не спросить об этом! Но орнитоптеры у Ари по-прежнему нет, и уже не будет.

— Откуда вы знаете? — огрызнулась Калли.

— Интуиция, — цинично ответил Старк.

Калли вздрогнула и заставила себя всмотреться в его лицо. Там, в глубине удивительных глаз, темным облачком затаилось нечто невысказанное словами, страшный секрет. И добраться до него не было никакой возможности.

— Почему вы не хотите отпустить меня? — Калли попыталась высвободить свою руку, однако безрезультатно.

— А почему ты хочешь меня покинуть, милая?

Одно-единственное движение, и Калли оказалась вжатой в кровать. Палец Старка медленно очертил ее подбородок, спустился по шее к открытой ложбинке груди и замер.

— Так почему же, Калли?

— *Где ты был, Айви? Я не видела тебя весь день.*

— *Ари, я сделал это!*

— *Ты продал орнитоптеру?*

— *Ты чрезвычайно догадлива, моя прелесть. Тебя нельзя ничем удивить. Да, я ее продал. За*

тридцать тысяч, как и собирался. Теперь Лукас отвяжется от меня наконец! Боже мой, как я счастлив. Хотя признаю, что продешевил неопишимо.

— Ты узнал имя того, кто ее у тебя купил?

— Нет. А зачем? Это была честная сделка. И для нее имена не нужны.

— Ах, Айви...

Что она могла ему сказать? Сейчас? Когда его ладонь мягко обхватила ее грудь? Мужское тепло проникало сквозь кожу, вливалось в кровь, убыстряя ее бег. Сердце сходило с ума...

— Мистер Старк... — прошелестела она немеющими губами.

— Лукас, — светлые глаза блеснули совсем рядом. — Меня зовут Лукас. Забудь про мистера Старка и про благовоспитанное «вы». Мы слишком близки, чтобы соблюдать приличия.

Близки...

Возражения, логичные и необходимые, так и остались невысказанными, прикипели к губам безвкусной пенкой.

— Назови меня по имени, я хочу увидеть, как твои губы выговаривают его.

Это походило на мольбу, но не слезную, просящую, а сладострастную, требующую. Калли была слишком слаба, чтобы противостоять этому чувственному натиску. И имя, проклятое ею неоднократно, выговорилось легко:

— Лукас...

Торжествующий смешок показался ей громом небесным.

— Вот так, моя милая, именно так. — Старк принялся покрывать ее приоткрытые губы невесомыми поцелуями. — У тебя отлично получилось.

Нет, она не должна выскальзывать из реальности, как это случилось в прошлый раз. Не должна, если хочет остаться собой. Она не экзотическая бабочка, чтобы принадлежать Лукасу Старку. Ее зовут Каллиста Саймон, и об этом ни в коем случае нельзя забывать.

Калли вывернулась из-под Старка и вскочила. Растрепанные волосы в беспорядке рассыпались по спине, плечам, наполовину скрыли горящее лицо.

— Уйдите, ради Бога, — пробормотала она, не зная, куда деться в этой комнате.

Можно было выбежать прочь, но Старк это наверняка расценит как очередную попытку к бегству. Поэтому Калли стояла посередине комнаты и заламывала руки от отчаяния.

— Никаких «вы», — Старк перевернулся на спину и заложил руки за голову, — мы же договорились.

Волна удушающей ярости вдруг накатила на Калли, когда она услышала ровный голос Старка. Ей очень хотелось чем-нибудь тяжелым швырнуть в этого ледяного дьявола.

— Вы, ты — какая разница! — ответила она, сжимая пальцы. — Мы совсем не близки, Лукас Старк. Близость — это нечто другое, чем лишение невинности. Чтобы быть близким, надо очутиться в сердце, а не в...

Калли оборвалась, вдруг осознав, какой бред она несет. Старк же расхохотался, закрыв лицо руками. Его смех был до того унижительным, что Каллиста даже застонала.

Она выскочила из комнаты и зашагала прочь, не зная, куда конкретно идет. Ей не был известен план дома. Она не собралась бежать, но и оставаться в одной комнате со смеющимся (над ней) Старком, не собиралась. Она сначала спустилась на первый этаж, затем поднялась на второй, выглянула из окна коридора во двор. Отпрянула и пошла на третий. Поднялась, отдышалась...

...Калли не помнила, где она уже бродила, а где еще не бывала. Сколько времени прошло за этим бездумным блужданием, она тоже не могла предположить. Ноги у нее подогнулись от усталости, и она замерла, привалившись спиной к первой попавшейся двери.

Где-то в стороне слышались мягкие шаги. Ни с чьими другими перепутать их Калли не могла. Она закрыла глаза, чтобы не видеть подошедшего Старка.

— Как это мило — дожидаться меня у дверей моей спальни, — руки Старка обвили ее талию, лишая возможности вырваться. — Заходи, коли уж пришла. Ты столько времени пробыла на ногах...

Нащупав за ее спиной дверную ручку, Лукас открыл дверь и втолкнул Калли в свою комнату. Калли не сопротивлялась.

Она сделала шаг к постели. Но только один единственный. Посмотрела на нее и усмехнулась. Свет одинокого ночного бра позолотил ее глаза. Она ничего не говорила, но все в ее облике выглядело таким безучастным, что Старк сам выпустил ее, отступая.

— Тебя очень сложно понять, мисс Горький шоколад, — произнес он, глядя на нее то ли со злобным восхищением, то ли с яростным изумлением. — Откуда в тебе столько граней? О которые можно порезаться до крови.

— Неужели Ари тебя не удивляла? — вместо ответа оборонила Каллиста.

Золотой свет все ярче разгорался в ее глазах.

— Ари предсказуема, как ребенок. В ней нет тайн и загадок, этим она и хороша. — Руки Лукаса потянулись к Каллисте, но не решились притронуться. Они разговаривали в шаге друг от друга.

— Я хочу ей позвонить. — Калли из-под ресниц вопросительно глянула на Старка.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Старк не стал возражать. Он взял с полки знакомый телефон и протянул его Калли.

— Звони.

— А плата?

— Цену узнаешь позже.

— Хорошо. — Калли уже набирала номер.

Старк уселся на постель и устремил глаза на женскую фигуру. Тени обступили ее и четко обрисовали, уничтожив все несовершенства. Искушающая тайна в окружении бархатного сумрака...

Каллиста поднесла телефон к уху и замерла в ожидании.

— Алло, — через мгновение раздался голос Ари, такой знакомый, пронзающий душу.

Внутри у Каллисты все сжалось. Сестренка. Они не виделись целую вечность.

— Старк, это ты? — Голос Ари задрожал. — Почему ты молчишь? Алло... Алло... Или это Калли? Да отвечайте же! Кто это звонит?!

Калли грустно улыбнулась. Что бы ты хотела услышать, Ариадна? Однако ж не услышишь ничего. Прости, что побеспокоила; Каллиста отключила телефон и бросила его Старку на постель.

— И это все? — Он вскинул брови — кажется, она его снова несказанно удивила. — Почему ты не стала разговаривать с сестрой?

— Мне нечего ей сказать.

Старк поднялся и подошел к Калли. Она соскользнула в теплые объятия покорно и, прижавшись, услышала стук его сердца. Этот особенный ритм погружал в транс. Ее собственное сердце начало биться в том же ритме. От поцелуя ее прохладные губы согрелись, к ним прихлынула кровь.

— Хочешь узнать, сколько стоит бессловесный звонок сестре? — Вкрадчивый шепот заставил Калли задрожать.

— Нет.

— А придется...

Ари в отчаянии едва не запустила телефоном в стену. Это звонила Калли. Именно она. Сестра. Но почему ничего не сказала? Ни единого словечка. Не успела? Помешал Старк? Или?..

Калли, почему?

Эта жуткая тишина в позвонившем телефоне просто убивала.

Сестренка, держись изо всех сил. Ари все равно найдет способ вытащить тебя. Она не бросит. Вы ведь сестры.

Одна из которых виртуозно подставила другую...

7

Тепло.

Близкое-близкое, охватывающее мягким кольцом. Она никогда не просыпалась в таком умиротворяющем живом тепле.

Калли резко открыла глаза. Захотела подняться, но у нее это не получилось. Она не могла даже шелохнуться, ибо ее голова лежала на груди Старка, а его руки обнимали с той беспощадной нежностью любовника, которая всегда сродни неразмыкаемым путам.

— С добрым утром, милая, — раздался голос Лукаса, чуть хриловатый то ли от недавнего сна, то ли от не потухшего еще сладострастного бешенства прошлой ночи.

Калли приподняла голову, чтобы встретить взгляд лукавого в человеческом обличье.

— Сколько времени? — Лежа в объятиях своего тюремщика, она не стала его приветствовать.

— А ты куда-то торопишься? — У Старка дернулся уголок рта.

— Я — нет, но ты...

— А я решил взять выходной. Могу себе это позволить. — Его рука скользнула по обнаженной спине Каллисты. — Что же касается времени, то сейчас всего половина одиннадцатого утра.

Рука Старка поползла дальше, вниз, к ягодицам, и Калли стала решительно высвобождаться. Но все закончилось тем, что Старк перекатился на живот, подмяв ее под себя, и, нависая, поинтересовался:

— Почему бы нам не продолжить то, что мы начали ночью? — мурлыкнул он, покрывая ее шею стремительными чувственными поцелуями.

— А мы разве не закончили? — Калли сделала еще одну попытку вырваться, за что и поплатилась — ее руки оказались заведенными за голову.

— Нет, милая, мы только начали...

Наклон темной головы, и грудь обжег уже не нежный поцелуй. У Калли прервалось дыхание. Она хотела попросить пощады. Плевать на гордость. Повторения того, что случилось ночью, она вряд ли выдержит. Ее тело просто сгорит. Вместе с сердцем.

Она увернулась от поцелуя в губы, вся изломилась, выгнулась, и... увидела бабочку в строгой рамке, прислоненной к стене.

Потрясающая бабочка.

Ее огромные крылья, узкие и изящные, походили на листья какого-то диковинного тропического растения из самой глубины джунглей. Они сверкали синим, зеленым и голубым цветами тончайших неуловимых оттенков, переливающихся самым непостижимым образом.

Калли даже вскрикнула, потрясенная ее невообразимой красотой.

Старк приподнял голову.

— Что это за бабочка у стены? — спросила Каллиста, воспользовавшись «паузой».

Лукас загадочно улыбнулся и выпустил Калли из объятий.

— Это птицекрыл королевы Александры, — ответил он, чему-то улыбаясь.

Знакомое название... Калли перевела взгляд с бабочки на Старка.

— Это та самая подделка, которую здесь оставила Ари?

— Это тот самый оригинал орнитоптеры из моей коллекции, который она украла, — усмешка Старка стала совсем нехорошей.

Оригинал?

Калли ничего не понимала. Целую секунду.

А затем догадалась.

— Ты выкупил бабочку у брата? — прошептала она.

— Умница Калли, — довольно рассмеялся Старк. — Именно так. А вот мой братец Айви никогда не был силен в математике. Сложить дважды два у него и на этот раз не получилось. Он даже не поинтересовался, откуда таинственному покупателю стало так быстро известно, что орнитоптера у него. Через подставное лицо я выкупил бабочку. А теперь жду, когда он принесет мне мои деньги, чтобы вернуть долг. И все вернется на круги своя...

Это была поистине чертова комбинация. Калли смотрела на Старка, цепenea.

— Бабочка у тебя, и это означает, что Ари не сможет тебе ее принести...

— Не сможет, — ухмыляющийся Старк потянулся за сигаретами.

— А как же я? Ты отпустишь меня?

— С какой бы это стати, милая? — закурив, Старк бросил на нее выразительный взгляд. — Четырнадцать дней еще не истекли...

— Но Ари...

— Мне чертовски интересно узнать, что предпримет крошка Ари, — перебил Лукас. — Хочется посмотреть, насколько сильна ее любовь к сестре. И какую глупость еще она может измыслить.

Каллиста сцепила ледяные пальцы и покосилась на проклятую бабочку, сияющую по-королевски словно в насмешку. Это все из-за нее. Или из-за Ари? Или из-за Айви?

— Но если Ари не принесет бабочку, то ты должен будешь исполнить угрозы.

— И будь уверена — исполню.

Холодная стальная проволока оплелась вокруг шеи и сдавила горло, позволив лишь вдохнуть.

— И что именно ты со мной собираешься сделать?

— Это ты узнаешь, когда истечет срок...

— Айви, дорогой, когда ты собираешься отдать деньги Лукасу?

— На днях. Я не хочу сразу бежать к нему. Пусть подождет. День или два.

— Это хорошо, Айви, очень даже хорошо...

Роковая орнитоптера заняла свое прежнее законное место — самое почетное в роскошной коллекции бабочек мистера Лукаса Старка.

Калли невидящими глазами смотрела на крылатые создания, и сотни распятых бабочек сливались в одно разноцветное пятно, переливающееся и живое.

Она снова должна попытаться бежать. Ари ей не поможет. Ей никто уже не поможет. Каким образом? Наверное, Калли следует поступить так же, как поступила Ари. Надо соблазнить, а после нейтрализовать Старка.

Калли боялась засмеяться вслух от этой дикой мысли — они с сестрицей, оказывается, гораздо больше похожи, чем она всю жизнь считала. Нет, она гораздо хуже своей сестры. Вряд ли на третий день после лишения невинности Ари хладнокровно думала о том, как соблазнить мужчину с садистско-меркантильной целью.

Как же она нейтрализует Старка? В постели? Ари воспользовалась снотворным. Но у Калли снотворного нет. Наверное, ей придется просто оглушить его чем-нибудь тяжелым.

Калли взглянула на Старка, проверявшего установленную заново сигнализацию на рамке с птичекрылом. Хватит ли у нее силы для этого? И сможет ли она вообще ударить человека? Даже такого, как Старк?

— Почему ты на меня так смотришь?

Калли едва не упала от неожиданности. Пятно из бабочек исчезло, вместо него появилось знакомое лицо с темной щетиной. Лукас уже стоял рядом с ней.

— То есть? — Калли с недоумением искривила губы.

— У тебя был такой кровожадный взгляд, словно ты собралась совершить убийство. И смотрела ты при этом на меня...

Вздыхнул явственным и судорожным. Предательским. Калли моргнула. Проницательный Старк мыслил в верном направлении.

— Как вы предпочитаете умереть, мистер Старк? Вас застрелить, зарезать или отравить? — Она начала быстро взмахивать ресничками, пытаясь все превратить в невинную шутку.

Невинную ли?

— Задушить в объятьях. Страстных. — Старк ослабил. — И лучше прямо сейчас.

Калли спрятала руки за спину. Этот демонстративный, по-детски непосредственный жест очень развеселил Старка. Его внезапный смех больно ударил по барабанным перепонкам.

— Значит, я останусь жив, — голос Лукаса наполнился приторно-карамельной сладостью.

— Разумеется, вы останетесь живы, — подтвердила Каллиста.

Она всего лишь треснет его по голове.

— Поскольку я остаюсь жив и у меня так редко случаются *абсолютные* выходные, то придется вместо меня убивать время. Однако лично я плохо себе представляю, чем заполнить массу свободных часов. — Его рука погладила поясницу Каллисты. — У тебя есть планы на сегодняшний день, который ты проведешь в моей *приятной* компании?

«Есть».

— У меня? — Калли позволила себе улыбку, которая растянулась, словно резиновая. — Разве у гости поневоле могут быть свои планы?

— Понятно. — Старк поцеловал ее куда-то в ухо. — Придется думать за двоих.

Тон у него был самый шуточный, легкий и дружелюбный. Как будто она разговаривала с ним на оживленной хмельной вечеринке. Не верилось, что совсем недавно этот веселый человек обещал сделать что-то страшное, когда истечет срок. Может быть, не он?

Он...

Этак можно сойти с ума от контрастов мистера Старка.

— Вообще-то у меня имеется замечательный план, который, думаю, понравится и тебе.

— И какой же?

— Пикник.

Свое удивление Калли выразила резким и выразительным междометием «О!». Рот у нее также сложился в изумленную букву «о».

— Надо понимать, это было твое согласие? — Лукас дотронулся губами до розово-мягкой «буковки».

Калли медленно кивнула.

Может быть, у нее получится сбежать раньше? Пикник...

Ей по душе это слово!

Ветер был свеж, океан — неспокоен. Несмотря на то что солнце пекло и день можно было назвать жарким, морская соленая свежесть приятно охлаждала кожу.

Калли подставила лицо бризу и, спрятав глаза под широкополой соломенной шляпой, прислушивалась к рокоту волн.

Позади нее Старк раскладывал на большой салфетке привезенный в корзине ленч. На пикник он собрался очень быстро. Калли подозревала, что «импровизация» была придумана заранее. Для нее самым непостижимым образом сыскалась подходящая одежда: шорты, футболка и сланцы, а также чудесная соломенная шляпа, которая ей очень шла. Одежда была новехонькой, хоть и без бирок, и абсолютно ей по размеру. Калли посмеялась над этим «совпадением», но оставила его без комментариев.

Она думала, что отправится на пикник в «компании» не только Старка, но и его людей. Но Старк сам сел за руль джипа. Неужели он настолько уверен в своей пленнице, уже дважды пытавшейся бежать? Калли мысленно усмехнулась. Ей очень хотелось верить, что так оно и есть.

Она вздрогнула, когда подошедший Старк обнял ее за талию. На нем тоже были шорты и легкая тенниска. Глаза прятались за темными очками. Не прилагая никаких усилий, чтобы выглядеть столь по-киношному, он был похож на голливудского гангстера на отдыхе. Потрясающе хорош!

Останься Калли прежней тусклой и незаметной преподавательницей музыки, она никогда бы не ощутила на своем теле жарких ладоней самого потрясающего мужчины.

От которого ей необходимо сбежать...

Сегодня!

— Искупаемся? — Лукас провел пальцем по ее шее.

— У меня нет купальника, — пожалала она плечами.

— Он и не предполагался, милая, — палец Старка нашел удобный путь к открытой ложбинке на груди, чем и не замедлил воспользоваться.

Не предполагался? Логично. Калли не могла не оценить «логику» Старка.

— Там волны.

— Небольшие.

— Я не умею плавать.

— Твоя взяла, — рассмеялся Старк и отстранился от нее. — Оставайся жариться на берегу. Я тебя после сам искупаю.

Он непринужденно скинул с себя всю одежду и обнаженным бросился в волны. Калли только тихо выдохнула, наблюдая за ним.

Она некоторое время не отрывала взгляда от плывущего Старка, уверенно рассекавшего воду резкими взмахами. Она могла бы, наверное, вечность смотреть на эту завораживающую своей первобытной красотой картину, пробуждавшую острые желания.

Но в распоряжении Калли вечности не было, а имелось всего пара минут, чтобы завести машину и, забрав все вещи Лукаса, скрыться. Голый мистер Старк, лишенный машины и сотового телефона, не скоро сможет кинуться за ней в погоню.

В последний раз взглянув на красиво плывущего мужчину, она принялась действовать. Джип был не заперт, и ключи зажигания оказались на месте. Каллиста поспешно забралась в автомобиль и принялась его заводить.

Раз, второй, третий...

Джип не заводился. Он был... заблокирован. Надежно.

Первоклассная система безопасности сработала преотлично. Каллиста трижды чертыхнулась и со злостью ударила кулаком по рулю. Ну почему? Почему господь Бог или кто там вместо него не смилостивится над ней и не даст ей возможности скрыться? Она же ничего плохого никому не сделала. Это Ари наворотила таких дел, что впору писать новую Конституцию. Или Господь перепутал ее с сестрицей? Они ведь так похожи. Но Калли не Ари. Она другая. И спасите Калли от Старка. Пожалуйста...

— Будем считать, что я не заметил этой дурацкой попытки к бегству. — Старк распахнул дверь машины и облокотился на нее.

Калли, опираясь на руль, мрачно взглянула на него. Его обнаженное тело, покрытое крупными каплями морской воды, поблескивало. Упругое и тренированное, оно восхищало каждой линией своего четкого рельефа.

— Я всего лишь спряталась от солнца, — пробормотала Калли с тяжким предательским вздохом.

— Именно, — согласился с ней Лукас. — Я, собственно, так и подумал.

Что ж, придется его оглушить, раз уж по-другому не получилось. Извините, мистер Старк. Сами напросились.

Калли вышла из машины. Лукас вытирался полотенцем, а ее отчаянный взгляд перескакивал с него на валяющиеся неподалеку отшлифованные океаном камни и обратно. Калли заметила один, по ее мнению, самый подходящий. Отличный булыжник, как раз годящийся для головы Старка.

— Ты так и не надумала окунуться? — поинтересовался Лукас за ее спиной.

— Нет.

Она услышала его шаги. И приготовилась к объятьям. Но оказалась не готовой к тому, что в этих объятьях вознесется вверх, к небесам. Шляпа слетела с головы, потом один за другим упали с ног сланцы, покуда Старк волок ее до океана. А после Калли с возмущенным визгом ухнула в воду.

— Истинная Афродита, — громко изрек стоящий на берегу Старк, когда она, барахтаясь и фыркая, с отчаянными воплями пыталась спастись от очередной волны. — Вся в пене морской... И волосы дыбом.

Волна настигла Калли, сшибла с ног и утянула в океан. Кинувший ее в воду Старк не делал никаких попыток помочь ей выбраться, издали наслаждаясь ее проклятиями, то приближающимися, то удаляющимися.

Наконец, Калли удалось опередить одну из волн и выскочить на берег. Вода ручьями текла с нее. И шорты, и футболка облепили ее как вторая кожа. Мокрые волосы сделались весом в тонну.

— Мерзавец, — прошипела Калли, походившая на взбешенную мокрую кошку.

Она хотела добавить еще что-то уничтожающее, но Старк притянул ее к себе и поцеловал так категорично, что она поперхнулась ругательствами, как морской водой.

— Вот теперь мы квиты, милая.

Как бы не так, мистер Старк. Камешек-то вон там лежит. Вас дожидается...

После они сидели на берегу, сушились, ели сэндвичи и виноград, запивая содовой. Они мало разговаривали, но невдалеке шумел океан, и его умиротворяющего рокота, заменяющего все человеческие слова, вполне хватало. Лукас Старк отчего-то не делал никаких попыток перекувыркнуть ее на песок или чего-нибудь еще в том же духе. Странно... Калли совсем не ожидала, что ей будет так легко... со Старком один на один на диком пляже. Похоже, Лукас наслаждался днем полного безделья и старался не упустить ни минутки благословенного покоя, пропитанного свежим соленым ветром. Ему было просто не до Калли в просвечивающей насквозь мокрой майке.

Время летело незаметно. Час, два, три? Сколько их прошло с тех пор, как они покинули виллу? Калли не хотела туда возвращаться. Поэтому ей придется стукнуть Старка по голове.

Она незаметно покосилась на намеченный булыжник. Валяется там, где валялся. Калли поднялась и направилась к камню. Она невзначай потрогала его ногой, взяла в руки, якобы рассматривая, прикинула его вес и оглянулась на Лукаса. Только что выкупавшийся Старк лежал на животе и пристально смотрел на катящиеся волны. Океан стал еще более беспокойным. Наверное, надвигался шторм.

Спрятав камень за спину, Калли вернулась на место и положила булыжник поблизости.

Ждать подходящего момента становилось все труднее. Скоро начнет темнеть. Может быть, ударить Старка прямо сейчас?

Калли почувствовала изжогу от этой мысли. Это так сложно. Для нее. Надо рассчитать удар, чтобы наверняка оглушить, но не убить. А руки у нее уже сейчас трясутся. Боже, за что ей все это? Она снова взялась за булыжник. Ей надо его ударить! Стиснула зубы, замахнулась и... Старк перехватил ее руку.

Он вышиб камень, опрокинул Калли на спину, вдавив песок. Мелкие камешки впились в кожу как стекла, перед глазами раскинулось небо, которое заслонили потемневшие глаза Лукаса.

— Ты хотела меня убить, милая? — Шелестящий голос Старка был страшен, выражение лица — еще страшнее.

Калли *очень-очень* пожалела, что сделала эту попытку.

— Только оглушить, — прошептала она.

Старк выругался и пару раз ее хорошенько встряхнул — так, что у нее захрустели кости и клацнули зубы.

— Спасибо за милосердие, мисс Саймон. Но я не так милосерден, и ты получишь сполна. Ты меня достала своими побегами!!!

Старк за шкуру поволок ее к машине. Швырнул в джип и включил зажигание. Все вещи остались лежать на берегу, включая чудесную шляпу. Ночью их наверняка поглотят штормовые волны. Шляпу было безумно жаль...

Машина яростно сорвалась с места, оставив позади себя высоченный столб взвившейся пыли.

Калли, завалившись куда-то в угол на заднем сиденье, молча глотала едкие слезы. Она очень хотела, чтобы все сложилось иначе.

Но уже не сложится...

8

Джип с пронзительным визгом затормозил во дворе. Со стороны шумящего океана напоздали густые, как сливовый джем, сумерки. Старк вытащил из машины заплаканную Калли и сильными толчками в спину погнал ее перед собой в дом. Через пару секунд она уже перешагнула порог своей темницы, а еще через мгновение — лежала на кровати, а Старк прикручивал ее заведенные за голову руки к декоративным элементам изголовья.

Вопрос «Зачем ты это делаешь?» застрял у нее в горле.

Все происходящее опять напоминало какое-то жуткое кино, плохо смонтированное. Его совершенно не хотелось досматривать до конца — у этого фильма хеппи-энда точно не будет.

Калли тихонько всхлипнула. Сквозь пелену слез Старк казался какой-то темной колеблющейся тенью. На языке возникали и пропадали клочки нескладываемых фраз. Не хотелось ничего говорить. Не хотелось даже дышать.

Руки Старка то ли снимали, то ли сдирали с нее одежду. Первые же его прикосновения ударили ее, будто током, и немедленно высекли вопрос:

— Ты меня убьешь?

— Нет, милая, — по-волчьи оскалился Старк, рывком сдергивая с нее трусики, — но обещаю, что ты умрешь за эту ночь раза три или четыре. И после уже не захочешь убежать от меня.

— Лучше бы ты меня отпустил...

Это были последние слова, которые она помнила. Мир вокруг Калли перестал существовать, как только губы Старка, жаждущие мести, коснулись ее кожи, пропитанной соленой влагой. Калли не услышала собственного крика, заглушённого исступленным поцелуем. Для нее распахнулись пылающие врата сладострастного ада, где грешная плоть корчилась от запредельного наслаждения.

...Сквозь полуопущенные ресницы Калли наблюдала, как Старк поднимает скинутые на пол вещи и надевает их. Он двигался бесшумно, а она притворялась, что спит. Из ада она вернулась только на рассвете, удивляясь тому, что все еще дышит и что разум у нее не помутился. Ее истомленное тело, опустошенное до последней капли, жаждало покоя.

Что с ней сделал Старк?

Можно ли это обозначить обычными словами?

У этого был оттенок черного, вкус — острый, запах — пряный.

Грех.

Сводящий с ума, сладко терзающий плоть, проникающий в кровь, порождающий демонов в душе. Калли даже вообразить не могла, что и в самом деле можно умирать от наслаждения, острого и сладостного.

Для опытных и ненасытных рук Старка она была как чуткий музыкальный инструмент, который звенел и содрогался от каждого прикосновения. Калли не помнила себя, когда погибала от этих прикосновений, то дразнящих, то мучающих, то нежных, то иступленных. Она прошла по всем кругам полыхающего ада, умирая и воскресая, чтобы снова умирать и... жаждать этой сладкой смерти.

Еще и еще.

...Старк наклонился над ней, и Калли затаила дыхание. Ей было жаль, что он уходил. Без него ей холодно.

Губы Старка нежно коснулись ее лба. Он что-то шепнул, но она не расслышала. Через мгновение за ним тихо закрылась дверь.

Калли глубоко вздохнула и, перевернувшись, обхватила руками соседнюю подушку, от которой исходил едва уловимый терпкий запах мужского одеколona. Того самого, что примешивался этой ночью к ароматам страсти и преследовал ее даже во сне. Боясь разрыдаться, Каллистка уткнулась носом в смятую подушку.

Лукас был прав. Она теперь никуда не хотела бежать. От него.

У нее даже сил бы на это не нашлось. Калли чувствовала себя совершенно другой женщиной. Изменилось ее тело, изменился разум, переплавленные в одном и том же страстном горниле.

Едва раскрыв утром глаза, Калли ощутила эти метаморфозы. Удивительное дело, они произошли не сразу после потери невинности, а лишь теперь, когда Калли вернулась из любострастного ада.

Время, наверное, приближалось уже к полудню. Бог мой, да она никогда раньше так поздно не просыпалась! Но не стоит вспоминать о том, что было раньше. Она уже не та и прежней никогда не станет. Всему виной Старк, или же эти изменения были предопределены заранее?

Какая же она сейчас?

Калли безумно захотелось посмотреть на себя со стороны. Она вскочила и бросилась к зеркалу.

Увидела...

Бледная, с горящими глазами, с подрагивающими нервными ноздрями и с незнакомой, новой полуулыбкой на зацелованных устах. Тихая меланхоличная Калли перестала существовать. А у новой Каллистки, познавшей черную страсть, теперь всегда будут пурпурные соблазняющие губы и бешеные зовущие глаза.

Калли расхохоталась.

Ей сейчас было все равно, что с ней сделает Старк, когда четырнадцать дней истекут. Кстати, сколько еще их осталось? Она не знала. И не хотела спрашивать об этом у своего тюремщика. Она боялась, что искра, вспыхнувшая в ней после ночи плотского безумия, погаснет раньше времени. С этой искрой светло и тепло. Она такая же светлая, как и дьявольские глаза Лукаса. Пусть горит. Потушить ее должен только сам Старк.

Интересно, а как выглядит Ариадна после ночных утех? Точно так же, как сейчас Калли? Или имеются явственные отличия? Вот об этом можно поинтересоваться у Старка. Он видел обеих

сестричек.

И до, и после...

Неожиданно Калли отпрянула от зеркала. Собственное отражение, у которого рот кривился от сумасшедшего смеха, вдруг показалось ей отвратительным. Где Старк?

Наверное, заседает в своем офисе, занимаясь делами казино. Благопристойный и порядочный, с глянцевой улыбкой и холодным блеском в глазах. Ему улыбаются, перед ним заискивают. Никто и не догадывается, что в его роскошном доме томится заложница. И никто, кроме этой заложницы, не знает, каким может быть благообразный мистер Старк, предаваясь ночному греху. Какими дьявольскими становятся у него глаза, какими изощренными делаются его смуглые руки, и какими беспощадными могут быть его губы. Как одним единственным касанием он заставляет выгнуться на постели в пароксизме наслаждения... ..День прошел без Старка. Однако завершиться без Лукаса он никак не мог. Калли ждала его. Но что она может сказать ему? И что он может сделать?

Старк вошел в комнату, держа в руках букет. Не говоря ни слова, он с легким поклоном вручил его Каллисте. Ей оставалось лишь ахнуть.

Таких фантастических букетов Калли не видела нигде и никогда. Огромный, лохматый, развесистый: цветы в нем, смешивавшись с ветвями деревьев, были разной длины. Казалось, они абсолютно не сочетались друг с другом, но все вместе производили ошеломляющее впечатление.

— Что это? — Калли недоуменно повертела в руках чудной презент, который очень хотелось назвать феерическим венником.

— Это композиция, которая называется «Каллиста», — улыбнулся Старк. Ну хоть бы что-нибудь проступило в нем от того исступленного Старка, который ласкал ее прошлой ночью!

— Таких композиций не существует!

— Она составлена из растений, начальные буквы названий которых складываются в твоё имя. — Старк подсел к ней и взял в руки цветы. — Вот смотри, — стал он указывать. — Это камелия, это анемоны, лилии, лавр, ирис, сеньполия, тубероза и азалия.

КАЛЛИСТА.

— О, — Калли была изумлена.

А вот приятно или не очень, — сказать было сложно.

Если бы это все происходило в сказке, она была бы счастлива, как никогда в жизни. Но сказка не удалась, а цветы ей преподнес тюремщик и главный злодей по совместительству. И четырнадцать дней скоро закончатся...

Она поднялась и прошла до середины комнаты, потом обернулась и устремила вспыхнувшие глаза на Старка.

— Ты мне хочешь что-то сказать, милая?

— Спросить. — Калли склонила голову набок.

— Спрашивай. — Лицо Лукаса стало заинтересованным.

— Вопросов у меня всего два...

— Задавай первый.

— Почему ты меня связал?

В лице Старка все дрогнуло одновременно: линия губ, надломившиеся брови, уголки глаз, глубокие морщинки у рта. Так бывает, когда беззвучный смех оживляет черты. Но ночью Старк не смеялся...

— Я связал тебя, чтобы ты не мешала... Себе, — уточнил он после выразительной паузы. — По моему, ты должна сказать мне за это спасибо.

— М-м.

Спасибо он от нее не дождется.

— Тогда слушаю второй вопрос.

— Почему ты не хочешь меня отпустить?

На этот раз в лице Старка ничего не изменилось, а Калли всматривалась в него очень внимательно. Лукас достал сигарету и молча закурил. Кажется, отвечать он не собирался. Серый дым вился между ними. Калли стояла неподвижно, словно статуя. И все вокруг тоже окаменело.

Кроме курящего Старка.

Он заговорил, когда она уже перестала ждать ответа:

— Ты, мисс Каллиста Саймон, послана мне Богом... или же дьяволом. Не важно. Но я так и не понял для чего. Поэтому я *не могу* отпустить тебя раньше срока.

Калли покачала головой.

— Ты сам был и богом, и дьяволом, когда брал меня в заложницы. И цель у тебя была одна-единственная: вынудить Ари вернуть бабочку. Ты ее уже получил. Ари ничего не принесет. Мое заточение потеряло всякий смысл. Ты *можешь* отпустить меня.

Ее голос взмыл кверху, тонко зазвенев оборванной скрипичной струной.

— Я сказал все, что думал, и добавить мне нечего. — Старк продолжал невозмутимо курить. Сделав очередную глубокую затяжку, он невзначай обронил. — У меня тоже есть один вопрос, на который ты непременно должна ответить...

Калли холодно и настороженно посмотрела на Старка. От него вопросов она не ждала.

— Хочешь ли ты повторения вчерашней ночи?

У Каллисты мурашки побежали по коже. Вчерашняя ночь...

— Это угроза? — Она внезапно охрипла.

Лукас усмехнулся. Он выпустил в потолок ментоловую струйку и любовался, как она затейливо вьется там наверху. А после, не глядя, затушил окурок и поднялся. Каллисте сразу стало трудно дышать, как будто в комнате заканчивался кислород, вытесненный дымом сигареты.

Но Старк к ней не подошел — остановился у окна, жалюзи которого были открыты. Калли следила за его перемещениями. Каждое движение Лукаса провоцировало сильные толчки ее сердца.

— Я слушаю тебя, Калли. — Лукас смотрел в окно.

Не отвечая, Каллиста уставилась на его коротко подстриженные на затылке волосы. Коварная память не давала ей забыть о том, как она медленно перебирала пальцами этот жесткий ершик. Вчера ночью... когда Старк снял с нее путы.

— Ну?

Каллиста содрогнулась.

— Я не хочу, чтобы между нами что-либо вообще было, — до ужаса медленно, растягивая слова, проговорила она. — Это все неправильно. Ты никогда не спрашивал, хочу ли этого я. Тебя мое мнение не интересовало...

Она замолчала, потому что во рту пересохло. Требовался глоток воды, но кувшин находился далеко.

Старк по-прежнему, смотрел в окно.

— Ты не ответила на мой вопрос, — сказал он, когда пауза затянулась. — Хочешь ли ты повторения вчерашней ночи?

— Нет!

Вот тогда Лукас повернулся. Калли попятилась, испугавшись, что он бросится на нее. Но Старк не сделал к ней ни шага. Только смотрел на нее так, что ей стало жарко и... стыдно.

Она не умела лгать.

— Нет так нет. — Лукас тряхнул головой, и улыбка соскользнула с его губ. Они сразу стали прямыми-прямыми, соединившись в одну жесткую линию. — Выбор сделан, и не мне о нем жалеть всю оставшуюся жизнь.

Старк посмотрел на дверь.

Калли догадалась, что он сейчас уйдет. Нутро стиснуло как от резкой боли. Она совсем запуталась.

— Я хочу позвонить сестре, — вырвалось у нее, когда Старк направился к дверям.

Эта фраза остановила его. Он обернулся.

— Опять? — Улыбка так и не вернулась на его лицо.

— Да. — Калли почувствовала сильный озноб. Она задрожала еще сильнее, когда Лукас подошел и обнял ее за талию.

— Услуга платная, — в его светлых глазах обозначилось нечто.

— Мне это известно. — Она вскинула голову.

— Пятнадцатый день, — лаконично бросил Старк, любуясь ее сверкающими глазами.

— Что? — Она не поняла и несколько раз моргнула.

— Лишний, пятнадцатый день, проведенный в моей приятной компании.

Потрясенная Каллиста была близка к обмороку. Она побледнела. Кожа лица стала почти прозрачной, каждая лиловатая прожилочка четко обозначилась на нем. Она попыталась высвободиться из стальных объятий, но безуспешно.

— Это нечестно! — Калли была готова заплакать от отчаяния. Словно лишившись внутреннего стержня, она обмякла в державших ее руках.

— Пятнадцатый день или спокойной ночи. — Голос Старка был категоричен и безжизненно холоден.

Калли на мгновение прикрыла глаза и сквозь слезы прошипела:

— Спокойной ночи и будь ты проклят!

...Ари подскочила на постели. Сердце ее ныло, как будто в него ударили со всего размаха чем-то тупым. Сопевший рядом Айви даже не шелохнулся. Ари покосилась на него со злой усмешкой. Спи, спи, малыш Айви.

Она знала, почему сердце ее нестерпимо заныло. Калли не спала. Там, у Старка, Калли ждала свою сестру, думала о ней — вот в эти самые мгновения. Ари даже была уверена, что сестра сейчас стоит у окна и смотрит на небо.

Ари спустила ноги с постели. Она знала, что сделает.

Дождись меня, сестренка! Я уже в пути.

9

Какой странный день начинается...

С этим скребущим предчувствием Калли проснулась утром. Она долго лежала в постели, ни о чем не думая, но ко всему прислушиваясь и пытаясь понять, чем вызвано ощущение тревоги.

Дом уже не спал, но был безмятежно тих. Сквозь утреннюю дрему Калли улавливала признаки жизни. Сначала слышались голоса и шаги, но потом все смолкло. Когда она проснулась окончательно, ее встретила мирная тишина.

Старк, вероятно, уехал в офис, и жизнь в его отсутствие, как обычно, замерла.

Калли была как будто больна. Ничего у нее не болело, но все тело ломило. Очень хотелось выпить, и совсем не лекарств. Наверное, в этом доме найдется бутылка с хорошим виски. Только ей его не нальют без специального разрешения великого мистера Старка.

Ну и черт с ним!

Как же она его ненавидела!

Раньше ей были неведомы ощущения человека, который испытывает чувство ненависти. Теперь она узнала их. Ей казалось, что внутри нее находится кипятильник, разогревающий кровь до булькающих, лопающихся пузырьков. Она была полна взрывающимися пузырями, которые грозились добраться до мозга...

Калли потеряла ноющие виски. Выпить, выпить, выпить! Виски, коньяк, бренди — без разницы! А лучше все сразу! В один стакан! И в один глоток!

Каллиста не узнавала саму себя. Она, наверное, сходит с ума. С заключенными такое иногда случается. И если беды не миновать, то пусть это произойдет как можно скорее. К возвращению Старка.

За что он с ней так? Почему его месть направлена на Каллисту, а не на Ари, которая заварила всю кашу? Должно же быть этой несправедливости хоть какое-то объяснение.

Калли почувствовала влагу на щеках, дотронулась пальцем — слезы. Ну вот, опять началось. Она прорыдала полночи в подушку. Думала, что выплакала годовой запас, но оказалось, что соленой воды в ней как в Мировом океане.

Калли, перестань сейчас же! Тебе нельзя плакать! Слезами горю не поможешь. Да и нет у тебя никакого горя. Не из-за Старка же ты реवेशь. Тебе 25 лет с лишком, чтобы исходить потоками воды из-за сволочного мужика. Красивого... Потрясающего... Со светлыми дьявольскими глазами...

Калли вскочила и забарабанила кулаками в дверь:

— Откройте немедленно!

Ей немедленно открыли. На пороге возник невозмутимый Макс-Минотавр, при виде которого Калли попятилась обратно в комнату.

— Чего надо? — Макс добродушно оскалится.

— Выпить, — тихо пробормотала Калли и поспешно уточнила. — Виски или бренди.

Макс внимательно посмотрел на ее заплаканное лицо и кивнул. Он никуда не пошел. Просто достал из внутреннего кармана джинсового пиджака плоскую бутылку с белой лошадкой на этикетке и протянул ее Калли:

— Пей.

Добрый, добрый Макс!

Бутылка была почти полной. Если из нее и отхлебнули, то совсем немного. Не ожидавшая, что все так просто разрешится, Калли некоторое время не решалась к ней притронуться.

— А можно я в одиночестве ее выпью? Вечером, перед самым приходом Старка.

— Нет, — отрезал Макс. — Для такой милой девушки, как ты, здесь слишком много виски.

— Ладно. — Калли отвинтила крышечку и, выдохнув, сделала большой глоток.

Макс с интересом наблюдал за ее действиями. А потом долго стучал по спине кашляющей и задыхающейся Калли.

— Я так и знал, — сказал он, забирая бутылку из ее ослабевших рук. — Таким, как ты, это противопоказано. Лучше я выпью сам.

Калли ничего не ответила. Макс ушел, а она легла в постель и накрылась одеялом с головой. Спиртное жгло внутренности.

Часы в этот день опять показывали время совершенно неправильно. Они отставали на много-много часов. Стрелки как будто умерли или же находились в агонии, передвигаясь на миллиметр в час. Секунды зависали в воздухе. Их можно было потрогать руками, расшвырять по комнате как мелкий бисер, сплясать на них джигу. Калли в конце концов перестала смотреть на агонизирующие ходики.

Ти-и-ик— та-а-ак, ти-и-ик— та-а-а-ак...

Что-о? Еще всего лишь три часа по полудни? Калли возмущенно охнула, уставившись в очередной раз на проклятущие часы. Быть того не может. Уже минула целая вечность. А они все еще отмеряют дневное время.

— Сейчас уже вечер, — погрозила Каллиста пальцем ненормальному циферблату. — Вечер! Скоро возвратится Лукас.

Почти сразу после этого в двери повернулся ключ. И Калли показалось, что наконец-то она сошла с ума.

На пороге стоял ее двойник, в обтягивающих шортиках и легкомысленной полупрозрачной маечке. Да еще в компании с Максом-Минотавром.

— М-да, — вырвалось у нее, когда она уставилась на свой дубликат.

— Калли, это я, — прошептала ее копия, очень бледная и с дрожащими руками.

«Калли — это я», — мысленно возразила Каллиста.

В комнату проскользнула Ариадна и замерла на пороге.

— Ладно, девочки, времени у вас в обрез, так что не рассиживайтесь здесь. Я приду очень скоро, — проговорил мерзко улыбающийся Макс и притворил за собой дверь.

Калли молча смотрела на сестру. Та подняла руку и провела указательным пальцем по щеке. Какой знакомый жест! Ари всегда так делала, когда волновалась.

Ари...

— Я пришла, Калли, — прошептала Ариадна, прижимая руки к груди.

— Зачем?

Казалось, Ари не ожидала подобного вопроса. Он как будто ударил ее по голове и приплющил. Она вся съежилась, уменьшившись в размерах.

— Чтобы спасти тебя, — пробормотала она не очень уверенно.

Не так она представляла себе встречу с томящейся в неволе Каллистой. Ари заморгала, всматриваясь в Калли. Это продолжалось несколько минут.

Она не узнавала сестру. Тихой Калли, какой она всегда знала ее, какой видела в последний раз перед тем, как исчезнуть, в этой комнате не существовало. На нее в упор, исподлобья смотрела совсем другая Каллиста, которая была холоднее, жестче и гораздо красивее Ари. Что с ней сотворил Лукас Старк?

— У тебя нет бабочки, — произнесла Калли уверенно.

— Нет, — согласно кивнула Ари, у которой вылетели из головы все заготовленные фразы. — Айви успел ее продать.

Новая незнакомая Калли не ахнула, не удивилась, не расстроилась, а лишь диковато усмехнулась:

— И знаешь кому?

Ари отрицательно покачала головой.

— Лукасу Старку.

От изумления Ари широко раскрыла глаза, но через секунду все поняла, и странный звук, похожий на смех-рыдание, вырвался у нее из горла. Ну конечно же, тем загадочным покупателем был Старк! Айви дурак, и она — тоже.

— Я понимаю, ты не сможешь меня простить, — запинаясь, прошептала Ари. — Я и не прошу об этом. Я не хотела тебя подставлять. Я плохо знала Старка.

«Ты его до сих пор не знаешь. Так, как я», — мысленно пожалела сестру Калли.

Калли вспомнила, что благодаря Ари она познакомилась со Старком. И познала то, чего бы никогда не познала, останься она жить в своей прежней минорной музыкальной жизни.

— Но еще не поздно, — виновато продолжала Ари. — Я исправлю причиненное тебе зло... «Бедняжка Ари».

Отчего ей, Каллисте, так жалко свою предательницу-сестру, а не себя? Но всколыхнувшееся непрощенное сочувствие не уменьшило резкости соскочивших с языка слов:

— И каким же образом? Украдешь меня, как украли бабочку?

Эти слова хлестнули Ари сильнее пощечины. Она даже пошатнулась. Вскинула руки в молчаливом скорбном жесте. Но Калли осталась равнодушной к театральным эффектам. Ари сделала несколько нетвердых шагов по комнате и огляделась. Заметила фантастический букет, нисколько не подвядший, и картину с канарейкой в клетке. Ари вздрогнула и вновь посмотрела на сестру, на губах которой наметилась недобрая усмешка.

— Я украли деньги, которые выручил Айви от продажи бабочки, — Ариадна говорила быстро, словно боялась, что ее прервут. — И подкупила Макса. Сейчас Старка нет дома. Мы поменяемся с тобой. Когда Старк вернется, его в этой комнате буду ждать я. Разумеется, меня он узнает, но ты будешь в безопасности. Все, что здесь случится, тебя уже не коснется...

Лукас ее не коснется...

Калли почувствовала, как рот у нее наполнился жгучей горечью.

Ари, Ари, зачем ты вообще сюда пришла?

— Bravo, Ари, это был отличный план. Но ты опять ошиблась в одном пункте: Макс неподкупен.

Ари испуганно вскрикнула, услышав позади себя проникновенно-саркастический голос Старка. Калли осталась безмолвной, даже не вздрогнула: она как будто ожидала чего-то в этом роде. Старк стоял, облокотившись о дверной косяк. Позади него маячила довольная физиономия Макса.

Калли грустно улыбнулась. Ей почему-то казалось, что Старк появился очень вовремя.

Лукас неторопливо вошел в комнату и шутовски подмигнул Ариадне:

— Здравствуй, сладкая. Наконец-то мы с тобой свиделись.

Ари сделала невольное движение к сестре, но подойти к ней близко не решилась. Словно помешала невидимая стена, натолкнувшись на которую Ари оцепенела.

Прищурясь, Лукас насмешливо рассматривал сестер-близняшек. Его глаза не пытались найти отличия. Сейчас девушки столь мало походили друг на друга, что их не перепутал бы даже близорукий. Налюбовавшись на забавное зрелище, Старк сел в кресло, достал сигарету, повертел ее в пальцах и кивнул Ари:

— Хочешь? — Он отлично помнил пагубные пристрастия своей бывшей любовницы.

Ари взяла сигарету, судорожно, с жадностью затянулась, но сразу закашлялась, поперхнувшись поспешно втянутым дымом.

— Итак, Ари, ты решилась на подвиг самопожертвования во имя сестры. — Старк выпустил в потолок струю дыма и, запрокинув голову, проследил за ее извивистым петляющим ходом. — Знаешь, я оценил твой благородный порыв. Это очень красиво.

Его голос, едкий от сарказма, жег сильнее химического реактива. Калли по-прежнему молчала, не отрывая воспаленных глаз от разглагольствовавшего Старка.

— Да, я тут, — проговорила Ари, невольно включаясь в разговор, требующий тщательно продуманных ответов. Для Ари, взвинченной и измученной, вести словесный поединок со Старком, конечно же, было не под силу.

Калли понимала это, но сказать ничего не могла. Все мысли у нее спрессовались в одну бесформенную лепешку, а гортань пересохла.

— Калли тебя ждала...

— И я пришла, — нервно дернулась Ари, на лбу которой появилась испарина. — Бабочки у меня нет. Но есть я сама. Почему бы тебе не отпустить Калли с миром?

Каллисте очень хотелось закрыть глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать, как Старк расправится с Ари, уничтожив неразумную сестричку смертельно-ядовитыми словесами.

Размажет глупышку как крохотную гусеничку.

— Этот вопрос, сладкая, я уже слышал и неоднократно от твоей чудесной сестрицы, — усмехнулся Старк, не глядя на Ариадну, но не отрывая взгляда от Каллисты.

— Ты отпустишь Калли?

— А ты останешься вместо нее? — цинично поинтересовался Лукас.

— Да!

— Какая неравноценная замена, — улыбаясь краешком губ, покачал головой Старк. — Я гурман и предпочитаю изысканный вкус горького шоколада. Приторным же монпансье я сыт по горло. Меня просто тошнит от него.

Ари ничего не поняла и взглянула на Старка как на сумасшедшего. У Калли дрогнули ресницы. Сквозь них она посмотрела на свои ногти: ими можно было глубоко располосовать лицо Старка. Чтобы следы остались на всю жизнь. Она вдруг резко поднялась и шагнула в центр комнаты. Слушать, как Старк неспешно издевается над сестрой, она больше не могла. Но сказать ей было нечего.

Светлые глаза Лукаса тотчас устремились на ее тонкую фигурку. Они откровенно ласкали плавные изгибы ее тела, касались губ и сокровенной ямочки на шее, легко закрадывались под одежду. Страстные глаза мужчины, изучившие каждый сантиметр плоти своей возлюбленной. Жаждающие глаза...

Этот взгляд был как откровение. И для Калли... И для Ари...

— Ты с ней спал, — прошептала потрясенная Ари.

— Надеюсь, ты не будешь ревновать, дорогая? — ухмыльнулся Старк, тоже вставая.

Старк двинулся к Калли, обнял за талию и запечатлел на ее холодных губах демонстративный поцелуй. Она даже не шелохнулась.

Ужаснувшаяся Ариадна смотрела на них во все глаза.

Калли и Старк.

Нежная, задумчивая Калли в сетях этого дьявола. Хуже и вообразить невозможно! И в случившемся виновата Ари, только она, потому что подставила сестру и не торопилась со спасением. Хладнокровно опоздала. И ничего изменить или исправить теперь нельзя. Калли и Старк...

Жизнь сестры поломана как... плитка горького шоколада — на множество брусочков, которые не склеить и не сплавить.

Старк снова поцеловал Калли, уже не демонстративно, но агрессивно и страстно. Не выдержав этого дикого зрелища, Ари вскочила, заорав:

— Отпусти ее, мерзавец!

Старк посмотрел на нее как на вопящую вошь, с тем же презрительным убийственным выражением. Ари поперхнулась. Лукас с силой прижал хрупкую Калли к себе и, касаясь ее

лица своей щетиной, шепнул тихо — только ей:

— Ты хочешь узнать, что я собирался сделать, когда четырнадцать дней истекут?

Женское тело в руках его превратилось в струну — стало таким же вибрирующим и напряженным. Умирая в его объятьях, готовая распасться на миллион осколков, Калли едва выдохнула:

— Нет...

Старк приглушенно рассмеялся и принялся покрывать мелкими быстрыми поцелуями ее лицо. Где-то в стороне Ари, кажется, что-то говорила, может быть, даже кричала, но ее голос не достигал порога осознания.

Мир стал трескаться...

— Пожалуй, я отпущу твою сестрицу, если только она сама этого захочет. — Старк обернулся к плачущей Ари. — Попробую у нее узнать. — Он скользнул дразнящей рукой по позвоночнику изогнувшейся Калли и спросил, уткнувшись ей в губы. — Милая, ты хочешь от меня уйти?

Уйти...

Калли не сразу осознала смысл этого вопроса.

Уйти... От него... Сейчас...

Уйти, чтобы навсегда... И никогда не видеть его, не чувствовать его рук и губ. Уйти, чтобы начать жить по-старому... Окунуться в прохладную музыку. Уйти, чтобы больше не любить...

Никого.

Уклонившись от ласкающих губ Старка, Калли откинула голову, посмотрела в фантастические прищуренные глаза и отрезала:

— Да.

Руки, державшие ее, тотчас разжались.

— Так тому и быть. — Что-то изменилось в лице Лукаса, что-то исчезло, стерлось одним-единственным движением невидимой руки, но этого изменения не уловила ни одна из сестер. — Тогда я тебя отпускаю, Калли Саймон, а заодно и Ари Саймон. Макс отвезет вас куда пожелаете. *Finita la comedia.*

Старк ее отпускает...

Почему он ее отпускает?

В голове у Калли сразу воцарился сумбур, в котором перемешались мечты и проклятья, вопросы и ответы, а также картинки из ее недавнего прошлого: вот она, босоногая, рассматривает бабочек; вот она летит из окна; вот она в постели Старка задыхается от неизведанной страсти; вот она на берегу океана в роскошной шляпе... Прошлое. То, что уже никогда не вернется. Неужели?

Она обежала глазами свою темницу, словно не веря, что уходит из нее. Ей необходимо было

запомнить здесь каждую деталь. Сохранить в памяти — сохранить в сердце. Заметив валяющиеся у кровати розовые тапочки, Калли, не отдавая себе отчета, наклонилась и подняла одну из них.

Почему он ее отпускает?

Калли боялась посмотреть на Старка, хотя знала, что его глаза следят за каждым ее движением. Она боялась себя, не доверяла себе. Она готова была сделать глупость. Она могла...

...остаться.

В это время Ари, видевшая странное выражение глаз Старка и боявшаяся, что он передумает, поспешно дернула сестру за руку:

— Пошли, Калли.

Вторая тапочка осталась лежать у кровати. Потупив глаза, Калли послушно шагнула за сестрой.

Почему он ее отпускает?

Она шла к двери, не веря, что и в самом деле уходит. Последний шаг... и их остановил голос Старка:

— Ты кое-что забыла, Калли.

Она все же обернулась. Он стоял, вытянув руку, и на его указательном пальце качался бриллиантовый браслет, рассыпавший вокруг миллионы радужных искр.

Светлые глаза, устремленные на нее, ждали, манили, искушали, обещали...

Калли понимала, что если возьмет браслет, то точно не уйдет. И Старк это знал. Но ей нельзя было оставаться.

Она молча подошла к нему, взяла браслет и выбросила драгоценную безделушку в корзину с мусором.

— Прощайте, мистер Старк.

10

Калли с тоской посмотрела на хрустящие прожаренные тосты, намазанные густым клубничным джемом. Предательская тошнота подкатила к горлу. Зажимая себе ладонью рот, Калли с тихим проклятьем бросилась в туалет, где ее и вывернуло два раза. О-о, со стороны Господа Бога это совсем немилосердно — спокойно взирать на эти мучения и пляски возле унитаза, происходившие каждое утро вот уже десятый день подряд.

— Почему бы тебе не рассказать обо всем Лукасу? — донесся сзади голос Ари.

— А почему бы тебе не пойти к черту?

Тяжело дыша, она обернулась к сестре: Ари осторожно заглядывала в туалет. В последнее время она была сама забота. Вот наказание-то!

Калли отбросила влажные пряди со лба и в изнеможении прислонилась к стене. Из туалета уходить было еще рано — уже проверено.

— Он все равно узнает.

Узнает...

Новый спазм скрутил внутренности. Калли поспешно нагнулась над унитазом, но рвоты не случилось. Только ядовитая горечь опалила нутро.

— Почему ты не хочешь сказать Старку, что беременна?

— Потому что ничего хорошего из этого не получится. — Калли старалась дышать глубоко и не орать на сестру.

Она проглотила едкую обильную слюну. Ари по-прежнему стояла поблизости и очень действовала на нервы, которые за последние десять дней превратились в истрепанные ниточки — того и гляди порвутся.

— Я хочу уехать из города, — глухо проговорила Калли.

Ари побелела сильнее Каллисты, лицо которой отливало зеленоватой призрачной бледностью. С некоторых пор все здоровые краски слетели с него и даже легкий румянец не появлялся. Калли походила на тяжело больную и таяла на глазах. Казалось, еще немного, и ее сдует ветром.

Ариадна не стала говорить сестре, как много хитрых шустрых «птичек» мечтали «залететь» от золотого мистера Старка. Но никому из них этот фокус не удался, ибо Лукас Старк чрезвычайно заботился о своей «безопасности» и не доверял ни чудодейственным женским пилюлям, ни сладким соблазнительным улыбкам. Ари гадала, что случилось с осторожным Лукасом, если он допустил подобный «промах» в отношении Калли. Был ли тот промах случайным или же сознательным?

Ари до сих пор помнила, как он смотрел на уходящую Калли и какими стали его глаза, когда сестра бросила бриллиантовый браслет в корзину с мусором. Тогда у Ари задрожали коленки от взгляда Старка и она уже не надеялась, что они выйдут из лукасовского дома... живыми.

Да, с Лукасом что-то случилось. И виной тому Каллиста. Ари была точно в этом уверена. Она в таких вопросах не ошибалась.

— Ты его ненавидишь? — печально спросила Ари.

— Я его люблю.

Сестры снова посмотрели друг на друга. Сейчас они были одно целое, и Ари чувствовала ту проникающую боль, что буравила сердце сестры.

— Уехать — это не самая лучшая идея, — грустно заметила Ариадна.

— Это единственный выход.

Нет ничего хуже, как начинать жить заново. Калли это осознала на следующий день после возвращения, проснувшись в своей знакомой до последней пружинки домашней постели. Этот день не сулил ничего: ни плохого, ни хорошего. И, как оказалось, все остальные дни, *дни после*

Старка, тоже. Кроме одного, искристого, когда Калли поняла, что беременна.

До этого искристого дня она сознательно вымарывала образ Лукаса Старка из своей памяти. Пыталась о нем не думать, не представлять, чем он сейчас занимается и кому улыбается. Он ее отпустил. Она от него ушла. И так должно быть.

Но как все это принять сердцем — вот проблема.

Проблемы, проблемы... Самой большой из них стала Ари, которая настойчиво, изо дня в день пыталась поговорить с сестрой, объяснить, извиниться. Калли резко пресекала все эти попытки поговорить по душам. Ей незачем было прощать сестру. Она ее и не обвиняла. Бедняжка Ари давно наказана, и гораздо больше, чем того заслуживала. А в душу свою Калли никого не пустит.

Наверное, Ари была так настойчива потому, что у нее имелся секрет. Впрочем, Калли разгадала его мгновенно.

Каллиста исподволь посмеивалась, когда Ари иногда исчезала, невнятно бормоча что-то про дополнительную работу.

Ари убегала к Айви. Калли не знала, как они умудрились помириться после всего случившегося, но предполагала, что здесь не обошлось без участия Старка-старшего.

Айви и Лукас. Каллисте было ужасно интересно, как Лукас Старк учит своего непутевого брата уму-разуму. Она была уверена, что это «учение» вышибет из Айви всю молодецкую дурь до последней пылинки. И больше уже историй с орнитоптерами не повторится...

Каллиста избегала не только кающуюся сестру, но и весь остальной мир, такой пустой и холодный. Мир, в котором она пребывала одна. И лица в нем казались тенями, и свет был тусклым, как от коптящей свечки. Калли бродила по улочкам своего родного города и не узнавала его. Как будто это был город из параллельного мира, а она — инопланетянка, завернувшая в него всего на минутку. А потом настал тот искристый день... Калли точно было известно, когда она забеременела. Те часы она помнила поминутно. Посекундно. Это случилось той ночью, когда Лукас увлек ее, связанную, в пылающий ад. Тогда он даже не помышлял о мерах предосторожности. Он ими сознательно пренебрег. Что он тогда сказал? «Мне необходимо *почувствовать* тебя собой»...

Какие эмоции испытала она, когда поняла, что носит ребенка от Старка? Нет, не ужас и не панику. Их и в помине не было. Скорее это походило на чувство вселенского умиротворения, граничащего со счастьем. Все мрачное в ней улеглось, примирилось, озарилось теплым светом. В мире она была теперь не одна.

Паника охватила Ариадну, когда Калли невзначай за ужином сообщила ей «новость». Ари расплакалась, забегала по дому, проклиная и все на свете, и подлого мерзкого негодяя Лукаса Старка, и особенно себя. Потом упала перед Калли на колени и принялась снова просить у сестры прощения. Но когда заикнулась про аборт, то прикусила себе язык в буквальном смысле до крови: Калли наградила ее таким взглядом, которой по силе равнялся удару током в несколько тысяч вольт.

Ари от этого взора-молнии сразу притихла, ночь молчала, не спала. И вскоре уже сама мечтала о появлении племянника или племянницы. За пару дней она изучила все товары в магазинах для новорожденных и, кажется, принялась потихоньку прикупать милые младенческие вещички.

Но Калли, радуясь своему будущему малышу, терзалась от противной мысли, что Лукасу Старку станет известно о ее беременности. В этом крохотном городе ничего нельзя скрыть. Что сделает Старк? Более всего Калли боялась, что он ничего не сделает. И этого равнодушия она не перенесет.

Именно поэтому она решилась уехать. Куда — не важно, лишь бы подальше от мистера Лукаса Старка. Туда, где она о нем не вспомнит ни разу. Где сможет успокоиться и уговорить сердце молчать.

— Хелло, Лукас. Это Ари Саймон.

— Хелло, сладкая. Как дела?

— Все отлично.

— Ну конечно же. Тогда почему ты звонишь?

— Калли беременна.

Пауза. Вздох. Смешок.

— О! От кого, надо полагать, я могу не спрашивать?

— Точно.

— Но почему эту радостную весть мне сообщаем ты, а не сама Калли?

— Она не хочет.

— Логично. Ну а ты зачем это сделала?

— Калли собирается уехать из города. Для нее это почти самоубийство. Я не хочу терять ни ее, ни ребенка. Вашего с ней ребенка ...

— Чего ты хочешь от меня?

— Не дай ей исчезнуть.

В телефонной трубке опять возникла пауза, которая сменилась лукавым хриловатым смехом:

— Знаешь, Ари, у тебя отлично получается подставлять свою сестру...

Розовая... С бантиком... Левая...

Калли с нежностью вертела в руках тапочку. Она унесла ее из лукасовской темницы. Тогда она не знала, зачем подняла ее, когда уходила. Взяла и все. И теперь левая розовая тапочка стала ее главным сокровищем.

Ее страшной розовой тайной.

Калли старательно прятала тапку от Ари, чтобы та, не дай Бог, не заметила ее и не выбросила (Ари вполне могла сделать подобное, причем из самых лучших побуждений). А когда Ари не

было дома, Калли частенько извлекала тапочку из картонной коробки и подолгу смотрела на нее. До тех пор, пока капающие слезы не превращались в ливень. Тогда Калли вновь убирала тапку в коробку, коробку — в комод и принималась кружить по комнате, пытаясь успокоиться и перестать рыдать. Возвращаясь, Ари заставляла ее неизменно улыбающейся, без всякого намека на пролившиеся слезы отчаяния.

Но сегодня звонок в дверь застал Калли врасплох. Она не ожидала визитов, а умчавшаяся Ари не должна была вернуться так быстро. От Айви она скоро никогда не возвращалась... Кто же это мог быть?

Калли поднялась и пошла открывать. Но прежде, чем снять цепочку, взглянула в дверной глазок и, пошатнувшись, чуть не упала. Она тихо прислонилась к стене и закусила губу, чтобы не сказать чего-нибудь вслух... нехорошего.

— Я знаю, что ты дома. И знаю, что ты дома сейчас одна, — донесся через дверь голос Старка. — Калли... мне очень не хочется ломать дверь.

Да, будет слишком много шума...

Калли открыла.

С тех пор, как они расстались, Лукас Старк совершенно не изменился. Лишь более явно обозначились следы душевной усталости, углубились складки возле рта... Который ее целовал... Когда-то... Который так замечательно сейчас улыбался. Калли смотрела на губы Старка с дикой тоской.

— Я тебя не ждала, — сказала она мрачно.

— Разве? — многозначительно прищурился Лукас, прислоняясь спиной к двери.

Калли тоже прищурилась. В узком коридоре Старк казался темным и близким. Чересчур близким. Протяни она к нему сейчас руку, то смогла бы дотронуться. Но Калли даже помыслить об этом не могла.

Она развернулась и молча направилась в большую комнату, которая считалась в их квартире парадной залой. Она знала, что Старк двинулся следом за ней.

На журнальном столике лежала розовая тапочка. Старк увидел ее мгновенно, едва шагнул за порог. Калли поймала его заинтересованный взгляд и румянец впервые пробился сквозь нездоровую белизну ее лица.

Но Старк ничего не сказал. Он чинно уселся на ближайший стул — хорошо еще, что руки на коленочках не сложил.

Калли подумала, что ей надо проявить гостеприимство и предложить незваному гостю чашечку кофе, но сразу отказалась от этой мысли: слишком много мороки, тем более что от кофейного запаха ее тоже тошнит.

Поэтому она спокойно опустилась в потертое кресло и прямо спросила:

— Зачем ты пришел?

Старк устремил на нее свои светлые дьявольские глаза, которые преследовали ее в снах. И

чудились наяву... Взгляд их мягко коснулся Каллисты, погладил, приласкал. У Калли закружилась голова, и она испугалась, что упадет в обморок. С беременными подобная неприятность порой приключается. Вцепившись в подлокотники, она сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, стараясь дышать бесшумно. Но получилось, как у локомотива, набравшего скорость...

— Я обожаю птичек, — сказал Лукас в ответ, — которые приносят благие вести...

Калли насторожилась. Всё этой фразе ей сразу не понравилось — и тон, и слова, и соблазнительное придыхание.

— ...это особенная порода птичек. Сладкоголосые птички-невелички, отлично знающие, кому, что и когда чирикнуть. Без них я бы никогда не узнал, что вскоре стану счастливым папочкой...

Ари!

Предательница. Она опять подставила свою сестру. Никто кроме нее не мог сообщить Старку о беременности Калли. Теперь ей не жить. Пусть только вернется домой. Интересно, будет ли учитывать суд, что Каллиста была беременной, когда убила свою сестру?

— Не надо ее осуждать. — По изменившемуся и задергавшемуся лицу Калли Старк отлично понял, о чем она сейчас думала. — Она хотела как лучше...

Разумеется...

— Ты пришел предложить мне денег на аборт? — Калли резанула Старка ледяным взглядом и, похоже, серьезно его ранила.

Судорога прошла по его лицу, как от боли. Кажется, он даже скрипнул зубами. По привычке потянулся за сигаретой, но остановился, вспомнив о беременности Калли.

— А сколько тебе требуется? — проговорил он, скрестив руки на груди.

— Нисколько. — Калли почувствовала себя очень неуютно под пристальным взглядом светлых глаз.

— У меня как раз имеется эта «сумма». — Старк улыбнулся. — Тебе выдать наличными или выписать чек?

— Ребенок только мой, — почти выкрикнула Калли, ощущая подступившую к горлу горечь.

Старк приподнял брови и выразительно кашлянул.

— Полагаю, он будет похож на меня.

Калли поискала глазами, чем бы запустить в ненавистного Старка. Но поблизости ничего не было. От бессилия пальцы ее нервно забарабанили по дереву.

— Чего ты хочешь? — прошептала она, чувствуя, что слабеет.

Лукас как будто ждал этого вопроса. Глаза у него вспыхнули. Он выпрямился на стуле, звучно выдохнул и принялся с азартом загибать пальцы:

— Во-первых, тебя, мисс Горький шоколад; во-вторых, мальчика; в-третьих, скромную церемонию; в-четвертых, пятиярусный торт; в-пятых, отдельную квартиру для Ари на другом конце Вселенной; в-шестых, снова тебя на белых шелковых простынях роскошного отеля, в окружении алых роз и с моим кольцом на пальце вместо одежды...

Нет, она сейчас точно упадет в обморок. Комната раскачивалась у нее перед глазами. Старк, загибающий пальцы, тоже раскачивался из стороны в сторону. Это было даже забавно: Лукас Старк — маятник.

— По-моему, ты не в себе, — пролепетала она. — Это все казино. Оно любого с ума сведет.

— Меня свело с ума не казино. — Лукас вдруг поднялся, не отрывая сияющих глаз от ее бледного лица, и достал из-за пазухи... тапочку.

Розовую. С бантиком. Правую.

— Меня свела с ума ты, мисс Горький шоколад, в первые же минуты нашего знакомства, которое получилось, гм, весьма своеобразным...

Он это говорил уже опустившись перед сидящей Калли на одно колено.

— Меня тогда просто замкнуло. Ты шагнула в мою жизнь со сцены, так похожая на красивую бабочку и не похожая на всех остальных. Я не мог, не хотел тебя из нее выпускать. И теперь уж точно не выпущу. Не мечтай и не надейся. Один раз я уже сделал эту глупость. Но сейчас такой номер не пройдет. — Старк погладил ей колено, и комната перед глазами у Калли перевернулась почти на 360 градусов. — Ты не хотела узнать, что я собирался сделать, когда, 14 дней истекут, но я это все равно сделаю. Сейчас...

Лукас осторожно приподнял правую ножку Калли и надел на нее розовую тапочку.

— Что ты сделаешь? — Калли мысленно удивлялась, как она может дышать и говорить в эти невероятные секунды.

— Предложение. Тебе, моя Синдерелла со вкусом горького шоколада. Ты выйдешь за меня, Каллиста Саймон?

Картинка повернулась обратно, восстановилась полностью. Калли видела перед собой свою мечту, свою судьбу, своего мужчину. У которого самые красивые глаза на всем белом свете. И у их ребенка будут точно такие же светлые глазенки.

— Да, — ответила она, не раздумывая.

И левая розовая тапочка очутилась у нее на ноге. Теперь был полный комплект... ..счастья.